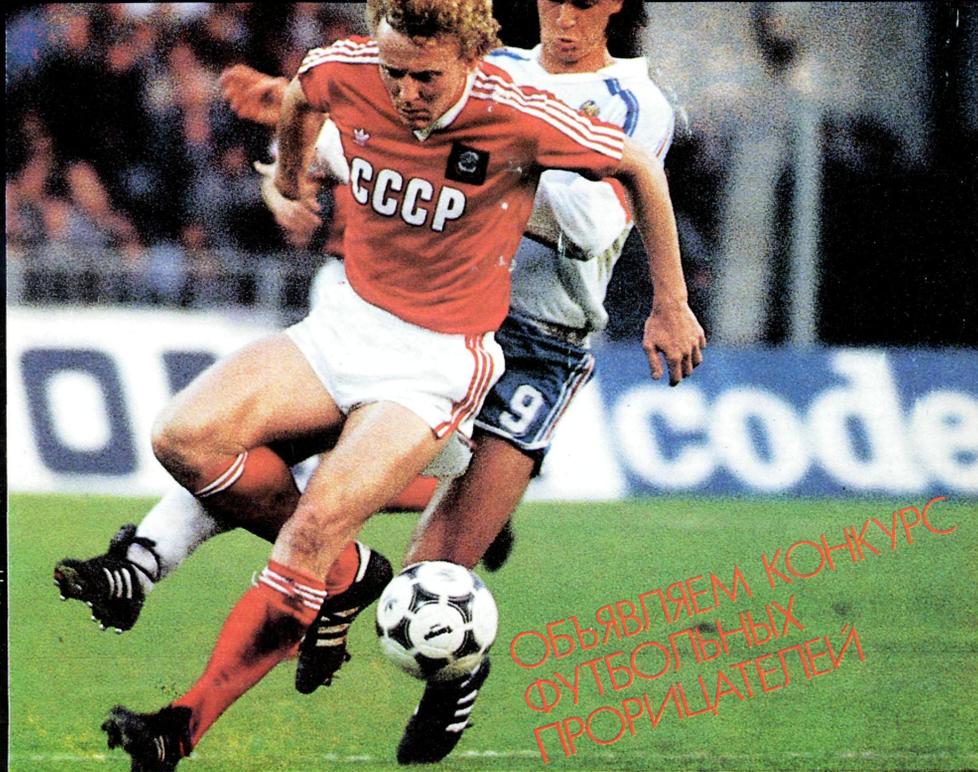

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОВОРОТ

7/90

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС
ФУТБОЛЬНЫХ
ПРОРИЦАТЕЛЕЙ

Депутат Т. Жукова: милосердие и дети
«Обласканная» Сталиным Э. Маркизова

Пеле и А. Хомич — о Льве Яшине
Ван Гог. Звучащая мозаика XX века

Д. Шостакович. Неизвестная музыка
Мы слушали Высоцкого в кругу семьи

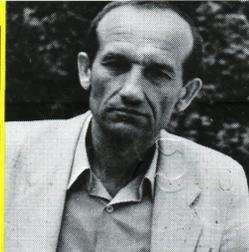

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Возвращение Ольги Зарубиной
Игорь Тальков. Авторский дебют

Луи Армстронг — гений джаза
Геннадий Хазанов: демократия по указу

Группа «Имэджинейшн» поет в Москве
Виктор Цой и его «Кино»

ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ

Игорь Шкляревский вошел в литературу прежде всего как поэт действия. В его стихах билась, клочкотала энергия, пытаясь преодолеть оболочку слова, выразить больше, чем позволяет прямой смысл сказанного. Сила, напор, экспрессия — таковы ранние стихи Шкляревского.

На дворе были громкие шестидесятые, когда в своеобразном «поэтическом марафоне» лидерство захватило поколение рожденных перед войной. Голоса были один другого громче. Смыслились границы между лирикой и публицистикой, между очерком нравов и стихотворением. Одни поэты старались сохранить художественную суверенность уходом в «тихую», камерную поэзию, другие, напротив, еще больше форсировали голос. Шкляревский выбрал третий путь — путь свободного дыхания. Он стал самим собой, соединив психологическую выскатость, энергию прямого высказывания с элегичностью интонации, с пониманием того, «что и радости к нам беспощадны, веселимся, а время идет». «Самое сильное в человеке — его начало. Оно тайно верховодит всей жизнью», — сказал поэт в предисловии к одной из своих книг. В самом деле его стихи — это села Полесья, «Могилевская область — область первой любви», голодное военное детство, леса, изрезанные окопами, алмазы росы и живое семя, ребро плешувшей на реке щуки, холодная небесная жина, «где реют сироты сорок второго года», цепкая, живучая радость узавания мира, который «ликует и рыдает и весь в развалинах лежит», и нависшие детские вопросы о смысле жизни, которые до сих пор мучают поэта. Ответа на них нет на человеческом языке, но его можно узнать, слушая небо и землю... ■

Александр ЛАВРИН
Фото Н. КОЧНЕВА

Никак не могу привыкнуть, когда вижу молодого человека на улице, в метро или в каком-нибудь другом людном месте с наушниками на голове, отключившегося, кажется, от всего происходящего рядом с ним. Это безбедные научники так кричаще противоречат бурлению разнонаправленных сил, что стали, во всяком случае для меня, своего рода символом общественной апатии молодежи.

Французский писатель и историк Жан Лартег писал недавно в «Пари-матч»: «Один из тех, кто поддерживает Горбачева, признался мне:

— Если нам не удастся разбудить студенчество, привлечь молодежь к осуществлению наших планов, возникнет опасность проиграть начатое нами дело. Время поджимает».

Мне невольно хочется спросить: как же так? Неужели вы, молодые, не понимаете, что начатое дело переустройства общества не на год и не на три. Его успех или неуспех — это прежде всего ваша судьба, судьба ваших детей и внуков! Ваше сегодняшнее выживание, пассивность, ваше безучастное отношение к проблемам и перспективам страны могут обернуться бедой, и тогда не останется ниш, чтобы укрыться от нее даже с наушниками на голове.

Сегодняшняя ситуация свидетельствует о том, что на чаше весов — будущее страны (и не только нашей) и что это почти так же непреложно и «драматично», как без малого полвека назад, в горьком 1941-м. Но создается впечатление, что глобальное значение идущих у нас процессов на Западе видит и оценивает с большей полнотой и объективностью, чем мы сами у себя дома.

Нет, я не делаю удивленного лица, когда молодые говорят, что не верят в реальные изменения политической системы, экономики, образа жизни. Я знаю многие причины этого неверия. Двойная мораль, когда проklamируются идеалы, лозунги, призывы, которые никак не сопрягаются с реалиями повседневной жизни. Когда заклинают бюрократов от идеологии о великой их любви к человечеству благополучно соседствуя с полнейшим пренебрежением к интересам и бедам конкретного человека. Слово про нис пихал Н.В. Гоголь: «Все человечество готово оно обнять, а человека не обнимет». Причиной, что у молодых были открыты глаза, когда господствующий класс номеклатурной бюрократии, эксплуатировавший природу и человека, делал то и другое без всякого сожаления, кроме, разве, разве своего корыстного интереса. Этот класс не терпел ничего умного, талантливого, своеобразного. И многие из этой печальной практики наблюдают молодые, увы, и сегодня. Разве у развалившего дело или просто отдаленных на заслуженный, а чаще незаслуженный отпуск первых секретарей обкомов или министров лишь вторые секретари и первые заместители оказались самыми умными и талантливыми, чтобы занять их места?

Всем, и мне в том числе, известно, что молодым полвека не давали хода, не спешили уступать насмешенные, хорошо утепленные кресла и в партийном руководстве, и в сфере управления народным хозяйством, и в науке, и культуре. Везде! А это глупило молодую энергию, придуло интерес к делу. Можно долго говорить о том, что мешало нормальному развитию жизни, что вело к общественной апатии молодежи и что из всего этого вышло. Но более важно, мне кажется, взглянуть сегодня трезво и понять, что именно нужно сделать, чтобы молодежь поверила в возможность у нас иной, цивилизованной жизни. А нужен отказ от половинчатости, от бесконечной надобшей и бессмысленной риторики там, где нужна четкость, ясность и конкретность. Отказ от политики, при которой позиция членов Межрегиональной группы Верховного Совета СССР или сторонников Демократической платформы получают открытий (хотя и не справедливых) отпор, а воинствующая реакционность руководителей Российской компартии или авторов пресловутого «письма 74-х» рождает полную немому даже у идеологического руководства партии.

И все же... Все же... при всем при этом молодым нельзя сегодня отгораживаться от жизни, ибо без их каждодневных усилий не избавиться от той самой половинчатости, им в первую очередь должно хватать смелости открыто сказать обществу, что есть кто и что есть.

Сильно бы ни было пораженных в прошлом, победа в будущем возможна. Более того — неизбежна! Но только с помощью молодых она придет скорее и при меньших жертвах. Дорогие молодые! Снимите наушники! Помогите стране и себе прорваться в тот мир цивилизованного существования, который достоин конца XX века. Вы должны это сделать здесь и сейчас! ■

■
Трясется и орет гудок.
И я распахиваю двери!
Одежда — шквалом!

Ветер — в лоб!
Дорожный знак грохочет в небе.
Звонит промерзшая доска.
Закат пылет безвозвратно.
В глазах у юности тоска.
Мне это чувство непонятно.
Соседка с кручи смотрит вдаль,
туда, где кружится солома.
В глазах у дамочки печаль.
Мне это чувство незнакомо.
Не потому что я дурак,
а потому что цену знаю
всему! И, выбывая шаг,
безделью чужбы не доверяю.
Еще настанет мой черед.
Еще закружится солома.
Еще беда не обойдет
и не забудет номер дома.
И потому, бивая шаг
в промерзший грунт,
в настил дощатый,
я — молодой и сильный враг
твоей тоски, твоей печали!

■
Продрогну в кустах от росы
и гляну в холодное небо.
Там светятся Гогице Псы,
мерцают какая-то Вега.
Там дохлого кустика нет,
где хоть бы росли мухоморы!
— Эй,— крикну...

■ И голых планет
уколот ревниве взоры.
Пылят или оштывшие мощи.
И светит на Землю Луна,
как смотрит больной из окна
в поля и зеленые рощи...

■
Слышу птиц улетающих крики.
Скоро снег!

А в корзинке моей
синий холод лесной ежевики
и лютные блики язей.
На причале примерзало весло.
А тяжелые скользкие лодки
ярко-желтой листовой обожгло.
Это началось день мой короткий.
Мой напарник устал и хрипит,
ничего у него не болит.
Очень бурно он любит водную.
Очень ловко возвращает воду.
Этот мальчик,

веселый и жадный,
вдруг проснется один и поймет,
что и радости к нам
беспощадны,
веселимся, а время идет.

■
Женщина в поле смеется,—
слышится плач в небесах.
Чибис от плача зайдет,—
смех отдастся в ползах...
Долго стою под соной.
Слушаю радости-беды.
Воздух, неровно прогретый,
Звукан обманчивым внемлю.
Слушаю небо и землю.
Долго стою под соной...

... Чувство собственного достоинства — это просто портрет любви.
Я люблю вас, мои товарищи! Боль и нежность моей крови.
Что бы там тьма и зло ни пророчили, кроме этого, ничего
Не придумало человечество для спасения своего,

Булат Окуджава

О каком спасении ведет речь поэт? Вероятно, не только о спасении от нужды. Тем более что значительная часть человечества уже не ведет этой проблемы. Поэт говорит и о другом — о спасении человечества от бесчеловечности, от зла и нетерпимости, от неуважения в человеке человека — о том, что всегда волновало лучшие умы России.

В трудную пору мы живем. Спорим, волнуемся, нередко конфликтуем, дебатирем по вопросам политики, демократии, выхода из экономической «черной дыры» и тревожных ситуаций в межнациональных отношениях. При этом многое уже сделано. Приняты законы, которых никогда в своей долгой и непростой истории наша страна не знала. Внесены существенные изменения в Конституцию, и даже (кто мог о том подумать еще пару лет назад?) многопартийность получила права гражданства.

Как много сделано! И как мало!

Все еще давка и брань в очередях за мясом, сапогами и золотом! Грязь на улицах и во дворах даже столичных городов, незасищенность человека от расплодившихся вокруг подоконков и бандитов. А угроза СПИДа, наглоющий рэкет, проституция, бомжи, то тут, то там взрывы и аварии с многочисленными жертвами. Ну, а уважение к личности? Как с этим? Пока плохо.

Для возрождения духовного начала не примешь ни закона, ни указа, этой проблемы не решишь в одиночестве ни воскресной проповедью по телевидению, ни фильмом — доброе семя плохо прорастает в пораженной эрозией почве. В конечном счете ни одно серьезное дело не решится, никакая перестройка не победит без повсеместного возрождения уважения к человеческой личности. Здесь пролегает путь к храму, путь к возрождению Человека как высшей ценности и меры всего сущего.

В знатных русских семьях, как хорошо известно, прислуга обращалась к малолетним отпрыскам на «вы» и с неизменным почтением — не по велению ума и сердца, конечно, а согласно прочно утвердившимся правилам. Подражать этому необязательно, но уяснить мотивы, породившие эти традиции, стоит. Чем больше уважения к себе с младых ногтей почувствует дитя, тем большим уважением проникнется оно к собственной персоне и того же потребует от других. Воспитанию дворянской чести уделялось огромное внимание, и результаты нам хорошо известны из истории и литературы. Однако известно и то, что ревностное отношение к чести и достоинству поддерживалось в других слоях. Мы много слышали о том, что значило честное слово в купеческой среде. Данное купцом слово при свершении сделки расценивалось как залог его чести.

Своим достоинством обладала и крестьянская среда. Крестьянин приучал детей с малых лет к труду и выказывал уважение к вкладу, пусть покалут и небольшому, который те вносили в благополучие семьи. Трудовое вос-

питание с малолетства было естественной чертой крестьянской жизни, здесь не было ничего нарочитого, ничего от игры, и дети это прекрасно чувствовали и соответственно относились к своим, порой нелегким обязанностям. Семья и община культивировали уважение к трудовику человеку и презрение к бездельнику.

А разве не то же характеризовало рабочую среду? Знание своего дела, высокий профессионализм, рассудительность, выдержка, верность данному слову, делали рабочего человека достойным уважения. Трудолюбие, твердый, но справедливый характер, сдержанная манера поведения — все это увязывалось с достоинством человека.

Сказанное вовсе не означает, что дореволюционная Россия не знала рабской и индивидуальной психологии, попарни личности, особенно в среде малоимущих и особенно со стороны чиновных властей. Бюрократия во все времена отличается схожими пороками.

Гражданские нормы стали подвергаться эрозии в годы первой мировой войны, с кризисом власти. Разрушительный этот процесс особенно усилился в пору революции и гражданской войны, когда соблазнительная идея экспроприации экспроприаторов дала волю разгулу стихии, в которой отличить «уязвленную» экспроприацию от обыкновенного грабежа было довольно сложно, когда зачастую вершителями судеб оказывались люди, не ведавшие ни достоинства, ни чести.

Аресты заложников и расправа с ними, с ни в чем не повинными людьми, подмена законности и права «революционной совестью» судей, выбираемых часто не народом, а толпой, когда слово «расстрелять» стало одним из самых расхожих, — все это приводило не только к многочисленным жертвам — и чем дальше от центра, тем в больших масштабах, — но и к утверждению в общественном сознании мысли о ничтожности значения и цены человеческой жизни.

Сталинская коллективизация деревни сделала следующий шаг в уничтожении человеческого достоинства. В глазах общества дискредитировались крестьянин-труженик, ибо под раскулачивание попадал в основном именно мужик хозяйственный, трудившийся не покладая рук, потом добывавший семейное благополучие. О каком уважении к человеку, его достоинству можно было говорить в годы бржежневско-сусловского правления, когда двойная мораль стала чуть ли не нормой поведения? Даже в среде писателей, этих «инженеров человеческих душ», процветали злобность, угодничество, лицемерие, доносительство, проявляемые, увы, и по сей день. А ведь еще в XI веке Н. Джами предупреждал: «Достоинству нас не научит тот, кто недостойно сам себя ведет».

Парадоксально, но именно в странах социализма, гордившихся властью трудящихся, покончивших, казалось бы, с неравенством людей и сословий, установилась наи-

ДОСТОИНСТВО ПРОСИТСЯ НА СВОБОДУ

▶ более жесткая система иерархических отношений, замкнутых сред, элитарности. К чему это в конце концов привело, известно. В наше общество проникла и утвердилась сталинская философия, в соответствии с которой на всех его ступенях, снизу доверху, действуют сплошь винтики, отличающиеся разве что размерами.

В безразличии местных властей к насущным интересам и запросам конкретного человека, нетерпимости, в воспеках анархии и жестокости, неуважительному отношению к иному мнению даже в стенах нашего парламента, в меж-национальных распрях и конфликтах, в безудержном хамстве, проявляемом к нам в любой государственной сфере услуг (да разве только там!), — во всем этом сказывается низвержение самим строем жизни достоинства человека до унизительного уровня. Менее всего, к счастью, этот зараженный молодежь, что дает основание смотреть в будущее все-таки с оптимизмом.

Так что же нужно сделать, чтобы возродить уважение к суверенитету личности, ее достоинству и правам? Прежде всего выработать и заставить действовать законы цивилизованного государства, поставив во главу угла интересы человека, создав, естественно, достойную его экономику.

Известно об ответе главы царского правительства П. А. Столыпина на письмо к нему Л. Н. Толстого. Великий писатель был против передачи земли в собственность крестьян, считая, что земля есть общее достояние, дарованное свыше. Столыпин при всем уважении к авторитету Толстого решительно возразил ему: «Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по моему, худшее из рабств». Эти доводы важны для нас и пониманием того, что рабство (и не только крестьянства) следует изживать, начиная с уничтожения бедности. Как-то по Центральному телевидению показали небольшую сюжет: министр финансов Швейцарии, достигнув 63 лет, согласно закону, вышел на пенсию. Оставив вчера министерский пост и обрядившись в рабочую спецовку, этот человек, давая интервью советскому корреспонденту, улыбался и находился явно в хорошем расположении духа. Вероятно, причиной этого явился тот факт, что престижность и достоинство личности в глазах общества связываются с ее самостоятельностью, а не с высотой служебного кресла.

Большие надежды возлагаются сегодня на новые Советы, в том числе и на возрождение ими нравственных начал. Принципиально иная, чем в прошлом, их деятельность, направляемая людьми, смеем надеяться, честными, обладающими интеллектом и деловитостью, по-человечески внимательное отношение к нуждам населения, умение справедливо распорядиться данной народом властью, сохраняя во всех случаях свою независимость, — вот что является (если, конечно, все сказанное будет иметь место) важнейшим стимулом к реставрации достоинства личности и общества. Ну, а молодые наши читатели, вошедшие в активную жизнь в годы перестройки, не успеют оглянуться, как именно они станут вершителями судеб страны. И надо всем нам помнить то, что знали уже древние: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы».

Илья КАЦЕВ

Недавно по телевидению показывали фильм «Софья Петровна». Многие, конечно, обратили внимание на его первые кадры: новогодняя елка в детском саду, веселый ребячий хоровод, а на заднем плане — огромных размеров картина: светящаяся счастьем девочка в матроске, «вождя народов» Сталин, который смотрит на нее ласковым детским взглядом, и цветы, цветы...

Сколько таких картин, гигантских ланно можно было увидеть в довоенные времена на фасадах школ, детских садов, клубов, домов пионеров!

Кто эта счастливая девочка в матроске, отмеченная в конце тридцатых годов высоким вниманием «заботливого друга» всех наших детей?

В Центральном музее Революции мое внимание привлек один из стендов выставки «Разделите чужую боль», отражающий события 1936—1937 годов. Кричащие газетные заголовки, вроде бы выражающие настроение народа: «Подлая банда шпионов получила по заслугам», «И впрямь будем уничтожать изменников», «Страна отвечает справедливый приговор»... И как бы для контраста — фотография, занимающая чуть ли не четверть газетной полосы. Та

на прием к самому товарищу Сталину.

— Я тоже пойду с тобой, можно? — спросила Геля.

— Но ты ведь не делегат, — попробовал отшутиться отец. — Да детей туда и не пускают.

— А вдруг пустят, ну возьми меня, палочка, очень тебя прошу! Очень ей хотелось пойти. Мечтала увидеть Сталина и других вождей. Просила настойчиво, да и мама, Доминика Федоровна, поддерживала, и отец в конце концов сказал: «Ладно, попробуем, попытка не пытка». И пошел посоветоваться с руководителем делегации. Решили попытаться.

Прием был назначен на четыре часа дня. Ночью Геля почти не спала. Пыталась представить, как все будет. Решила на всякий случай взять цветы: а вдруг удастся подарить их великому вождю. Вместе с мамой приготовили два букета (второй — Ворошилову, кумирю брата).

Долго тянулось время. Наконец вышли всей группой из гостиницы «Москва» и направились к Боровицким воротам Кремля. Очень волновалась: а вдруг не пропустят? И вот папа сказал часовой:

— А у нас тут один делегат без пропуска.

— Как без пропуска? Кто?

— А вот...

ЦЕНА СТАЛИНСКОГО ПОКР

же девочка в матроске, тот же улыбающийся вождь, те же цветы. Зовут эту девочку Геля Маркизова. Тут же, на стенде, — металлическая пластинка, которая была тогда прикреплена к патефону, с дарственной надписью: «Геле Маркизовой от вождя партии И. В. Сталина». Такие же слова подаренных девочке золотых часов, которые их владелицы недавно передали в Центральный музей Революции.

В январские дни тридцать шестого Энгельсине Маркизовой шел восьмой год. Все называли ее просто Гелей. Она жила тогда в Москве вместе с мамой, которая заканчивала медицинский институт. Жили без особо примечательных событий. И вдруг — неожиданная радость. Из Улан-Удэ с делегацией знатных людей Бурятия-Монголии приехал папа — он был тогда наркомом земледелия автономной республики. Сказал, что завтра делегация должна пойти в Кремль

И показал на дочь. А та маленькая, из-за цветов видны только щеки, пуночковые — не то от мороза, не то от волнения. И тут произошло то самое чудо, на которое она так надеялась. Часовой улыбнулся и сказал: «Ну, идите».

В зале она оказалась далеко от отца. Сидела рядом с незнакомыми людьми. Те смотрели на нее, улыбались. Ничего не спрашивали, видимо, считали, что эта девочка с цветами — участница предусмотренной процедуры.

Сначала все сидели тихо, спокойно. Но вдруг вскочили, начали неистово аплодировать. И она увидела Сталина, всех других вождей.

А потом потянулись очень скудные для нее минуты. Один за другим люди выступали. Говорили долго, иногда называли какие-то цифры, а в конце обязательно давали обещания и очень хвалили Сталина за то, что он такой великий и мудрый. Это Геля знала и без них. И после каждого выступления ее все больше подыма-

ОВИТЕЛЬСТВА

ло желание тоже сказать о своих чувствах. И вот, не в силах сдерживать нетерпение, она встала и пошла в президиум.

Сталин не сразу ее увидел, так как она подошла к нему сбоку. Ему что-то сказали, он обернулся, заулыбался, а потом поднял девочку и поставил на стол президиума. Она так растерялась, что отдала ему все цветы, забыв, что один из букетов предназначался Ворошилову. Сталин взял ее на руки, и вокруг быстро защелкали затворы фотоаппаратов.

— В это время, — вспоминает теперь Энгельсина Сергеевна, — Ворошилов громко сказал: «Она хочет держать речь». Тут все замол-

ПАМЯТЬ, ГОВОРИ!

На второй звуковой странице — о своей трагической судьбе рассказывает Энгельсина Сергеевна Маркизова.

чали, и я сказала: «Это от детей Бурято-Монгольской республики». Все зааплодировали, раздались крики: «Поцелуй, поцелуй!» Я поцеловала его, конечно. И чувствовала себя на седьмом небе от счастья.

А после перерыва Геле передали подарки от Сталина — патефон с набором пластинок и золотые часы. И все с надписями. Никак не могла понять, как успели так быстро и имя ее узнать, и гравировку сделать. Прямо как в сказке.

На следующий день в гостинице, спустившись в вестибюль, она подошла к газетному киоску. Во всех газетах на самом видном месте увидела большую фотографию: девочка в матроске, она, Геля Маркизова, вместе со Сталиным.

Потом к Маркизовым приехал известный скульптор Лавров, и скоро появилась скульптурная группа, которая называлась «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Все узнавали ее, подруги завидовали ей. Появилась в то время даже такая мода: прическа «под Гелю Маркизову».

Сколько это продолжалось? Года полтора, видимо, или чуть дольше. Но в конце тридцать седьмого был арестован и расстрелян отец Гели, Ардан Маркизов. Потом арестовали и мать. Волшебная сказка обернулась трагедией. Началась другая жизнь, подобная жизни многих и многих, кого называли детьми «врагов народа». О той фотографии она, конечно, уже не думала. Да ее сразу же как бы отторгли, отлучили от красочных панно, от скульптур, которые по-прежнему можно было увидеть на стенах домов, в парках и скверах.

Как же дальше сложилась ее судьба? У внимательного читателя, конечно, возник и такой вопрос: почему родную дочь Ардана Маркизова зовут сейчас Энгельсиной Сергеевной?

Обо всем этом вы сможете узнать от нее самой. ■

Марк ПОЛОНСКИЙ

На снимках:
Маленькая Геля вручает цветы И. В. Сталину;
скульптор Г. Д. Лавров у монументальной скульптуры «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»;
Э. С. Маркизова:
трудные воспоминания...

Фото Л. ЛАЗАРЕВА
и ТАСС

ТАКОВА
СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

3

ИГРЫ В ФУТБОЛ

Признаюсь, мне повезло, что в свое время довелось присутствовать в Лужниках на прощальном матче Льва Ивановича Яшина. Еще мне повезло, что я успел, как бы объяснялся в любви и чувстве благодарности, спеть ему стихи, которые вы услышите на третьей звуковой странице. Заслуженный мастер спорта, Герой Социалистического Труда, единственный из вратарей — обладатель «Золотого мяча» и Олимпийского ордена, он мог гордиться и своим, может быть, и неформальным титулом — народный вратарь Советского Союза.

Борис ВАХНЮК

В июне и июле планету трясло. Футбольный лихорадочкой. Нашу редакцию она тоже не обошла стороной, ибо все мы болельщики, хотя иногда и не осознаем этого. Но наш сегодняшний разговор не о чемпионате мира в Италии, а о футболе как таковом. И принять участие в разговоре мы пригласили человека, который знает о футболе если и не все, то столько, сколько может знать высококлассный игрок, проводивший более трехсот матчей в чемпионатах страны; тем более что из ворот, которые он защищал, видны были все перипетии спортивной борьбы. И не только спортивной. Есть у него и еще один угол зрения, под которым он рассматривал, изучал и анализировал футбол. И продолжает с успехом это делать. Ведь заслуженный мастер спорта СССР Владимир Маслаченко — один из компетентнейших и популярнейших спортивных комментаторов. Он не дипломат, но друзья и коллеги знают его как истинного джентльмена, уважающего за искренность и честность, за отсутствие в нем лицемерия и чинопочитания. Суждения его порой резки, но неординарны. И это тоже импонирует «Кругозору». Вот что В. МАСЛАЧЕНКО рассказал корреспонденту «Кругозора» Б. Барятинскому:

— Владимир, что вы думаете о современном состоянии мирового футбола?

Прежде всего то, что футбол как явление поднялся над общим понятием «спорт». Это явление планетарного, межконтинентального свойства, в чем в очередной раз, с большей силой убедил чемпионат мира в Италии. Футбол — элитная индустрия № 1 во всем мире. Серьезнейшее занятие! Но серьезно к нему надо относиться не только по причине того, что за ним и в нем — большой бизнес, но и по причине востребованности к нему любви. Мечтаю, чтобы это наконец поняли и мы. А вообще, будь моя воля, я бы присвоил Нобелевскую премию за «открытие» трех видов спорта. И первую премию отдаю бы футболу.

— А две другие?
— Горным лыжам и виндсерфингу.

— А что бы вы вручили советскому футболу?

— Медаль «За отвагу». Потому что, несмотря на потрясающую сложность, мы продолжаем играть и любить футбол. Умудряемся удивлять мир талантами, но еще больше удивлять тем, как при наличии стольких талантов бездарно расправляемся ими.

— Значит, состояние нашего футбола...

— Оно такое же, в каком находится вся страна, что подтвердил

выход из чемпионата СССР двух грузинских и одной литовской команд. Хилое организационное тело нашего футбола «схватило» еще одну инфрексию. А разовых шприцев, как известно, пока не хватает! Но нам не хватает и многого другого. Футбольных полей, в первую очередь. Но и те, что есть, низкого качества. Не умеем строить газоны и беречь их. Научно-технический прогресс во многих развитых странах вывел там футбол на завидную высоту с помощью создания искусственных полей. Мы же и в этом отстаем катастрофически. Я уверен, если бы сейчас, учитывая, что в стране много регионов с неблагоприятным климатом, мы сумели за короткий срок построить несколько десятков искусственных полей, приток желающих играть и болельщиков увеличился бы в три раза. Но пока отечественные консерваторы просят их не беспокоить «со всякой ерундой».

— Немного о чемпионате страны... В апреле в одном из выпусков «Футбольного обозрения» известный в прошлом мастер, кстати, тоже вратарь, Анзор Кавашвили, рассуждая о промахах «Спартак», причину увидел в том, что Федор Черенков играет не так сильно, как в прошлом году.

— Меня, если бы я сейчас играл за «Спартак», такое утверждение оскорбило бы. Да неужели в такой немоющий, что без Черенкова не могу прилично выглядеть на поле? Я рад, что у нас в футболе есть Федор Черенков, но как игрок и как человека меня бы унизило подобное мнение.

— А рывок ЦСКА на старте сезона?

— Этот рывок мне напомнил спартаковский, когда команда вернулась из первой лиги в высшую. Что ж, молодцы! Кстати, в ЦСКА ведь нет Черенкова... Зато, правда, есть умный тренер — Павел Садрын. А потом цыплят ведь по осени считают.

— Кстати, если бы вы приняли участие в конкурсе футбольных прорицателей «Кругозора», кого бы вывели на первое место в чемпионате СССР-90?

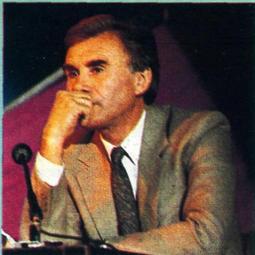
— Мне было бы легче предсказать, кто станет чемпионом мира...

— Владимир, вы хорошо знали Льва Ивановича Яшина. Несколькими летми соперниками, когда команды, за которые вы оба играли, встречались между собой. Были союзниками, когда входили в состав сборной СССР.

— Вы знаете, меня часто спрашивают, почему я не напишу книгу о футболе. Ведь есть о чем сказать. Книжки я писать не буду. Если честно, то просто некогда, но то, что я вам расскажу, я бы назвал главой из ненаписанной книги.

В. МАСЛАЧЕНКО

О ЛЬВЕ ЯШИНЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Жизнь подарила мне потрясающий шанс не только быть рядом с этим великим спортсменом, но и сражаться с ним. О Льве Ивановиче многие и очень разные люди говорят примерно так: хороший мужик был, отзывчивый, доброжелательный, трудолюбивый, самоотверженный, отличный семьянин... А он был разный. Он был живым человеком...

Меня «загнал» в ворота Михаил Пираев, когда в Кривом Роге, где я тогда играл, во время товарищеского матча осенью 1952 года ВВС и сборной города, я увидел единственный его бросок! И мне захотелось прыгать так же. Через год, когда я уже выступал за днепропетровский «Металлург», в матче с вильнюсским «Спартаксом» меня поразил его вратарь Владас Тучкус. Талант! Как и Борис Разинский. По своим физическим данным, по таланту они ничем не уступали Льву Яшину. Но у них не было такого спортивного интеллекта, каким обладал Лева. В 54-м, будучи в Москве, я специально пошел на «Динамо» понаблюдать за его тренировкой. И меня осленило: его умение выбирать позицию (бросок — как крайнее средство!) или его выходы за пределы штрафной площадки — это не только работа интеллекта, но и потрясающая работа ног. Они носили его по площадке, как Мохаммеда Али в 15-м раунде, когда тот находился в потрясающей форме. И это я взял у Яшина. Только это. В остальном я шел собственной дорогой, поставив себе целью обязательно победить его, заняв его место в воротах первой сборной команды СССР.

В 1961 году меня признали лучшим вратарем страны, и через год, вне всякого сомнения, я бы играл на чемпионате мира в Чили. К тому же сам Лев Иванович явно находился не в форме. Но... пришлось столкнуться с «комплексом Яши-

на». В воротах решением тренера Гавриила Качалина продолжал стоять Лева. А тут еще судьба уголовала мне трагедию.

Дней за десять до начала чемпионата мира сборная СССР провела товарищеский матч со сборной Коста-Рики. Товарищеский, но ответственный в психологическом плане. Большинство считали, что играть мне, но Качалин вновь в ворота ставит Яшину. Я — в запасе. Лева играет первый тайм неудачно, приходит на перекур в раздевалку: «Володя, раздевайся. Тебе играть на чемпионате мира. Я не готов!» Я быстро разделся и начал разминаться с Анатолием Масленкиным. В это время появляется Качалин и, видя такую картину, спрашивает у Яшина: «В чем дело?» Тот отвечает, что он не в форме, и в ворота надо ставить Маслаченко, тем более что времени до открытия чемпионата осталось совсем мало. Качалин уводит куда-то Яшину, они беседуют, возвращаются, и тренер говорит: «Володя, подожди! Левка доиграет». Вот так, дословно. Запомнил на всю жизнь.

А на следующий день мы играли тренировочный матч с местной командой. Тут меня все же допустили к воротам, но в этой игре я получилую тяжелейшую травму (перелом верхней челюсти и другие повреждения). 6 часов шла операция. Все! Для меня чемпионат мира завершился. Выходящий в Чили футбольный журнал в рубрике «Самые большие потери сборных перед чемпионатом» написал: «Бразилия — Пеле, Испания — Пушкаш, Англия — Чарльтон, СССР — Маслаченко».

В Чили я все же поехал. Не играть, конечно, просто в составе делегации. Как была готова тогда наша команда! Какие в ней были бойцы! Шестернев, Воронин, Иванов, Месхи, Метрелви, Каневский, Котрикадзе, Мамыкин, Дубинский, Нетто... Простите, что не всех назвал... Они прошли тяжелейший отборочный турнир, в котором на плечи каждого и, естественно, на плечи Льва Ивановича легли ошеломительные нагрузки. И не мог он сыграть в финальном турнире лучше. Это нарушило бы все законы логики. И когда наши проиграли команде хозяев поля, Яшин плакал. Здоровый мужик, обладавший всяком, он плакал от боли за себя и за команду. Утешающий его уже никто не мог. Но надо было видеть физиономии наших руководителей. А П. Старостин еще повторял: «Эх, Лева, Лева... Я подошел к Андрею Петровичу: «Положа руку на сердце, скажите: вот если бы я был сейчас в потрясающей спортивной форме, если бы я не был травмирован, вы бы меня поставили в основной со-

став на чемпионат?» — «Нет! — честно ответил Старостин, глубоко уважаемый мною человек. — Ты понимаешь, что значит заменить Яшина? Это выше наших сил!» — «Тогда чего на него все сваливать», — сказал я. — Ищите все в себе».

А ведь до матча с Чили была еще жуткая игра с Уругваем, полная драматизма и жестокости. Тогда ведь уругвайцам пообещали за победу по 1000 долларов. Неслыханное по тем временам деньги! Мы выиграли 2:1, но чего это стоило! Все были вымотаны, выжаты. И многим из нас ясно было, что на встрече с чилийцами нужно выводить обновленный, свежий состав. И мы даже сумели было убедить Г. Качалина, но... Опять это «но»... Так называемые «наблюдатели» во главе с председателем Федерации футбола СССР В. А. Гранаткиным заставили тренера изменить первоначальное решение и бросить в бой уставшую, морально обезоруженную команду.

Яшин, конечно, все это ощущал. Человек честный, в высшей степени порядочный, с характером выдающегося спортсмена, осознавая свою усталость, он все же взвалил на себя груз ответственности с риском подставить под удар собственное имя. Почему он уступил так? Почему не уступил добровольно и осознанно место второму вратарю? ... Спросить уже не у кого. Но по себе знаю, как трудно решиться на такой шаг. Я не раз испытал подобное, играя затем и в московском «Спартаке», и в сборной СССР.

Правды ради надо сказать, что и Яшин знал черные дни, репрессии «меченатов» от футбола, выговоры и даже увольнение. У нас же очень легко с этим: спортсмен «захромал», а раненых лошадей, известно, пристреливают...

Но судьба протянула руку Льву Ивановичу в виде матча столетия футбола в Англии, куда он был приглашен как человек с безусловно громадным именем в мировом футболе. Это право он завоевал. И Яшин блистательно сыграл свои 45 минут.

Константин Бесков просто вынужден был вернуть выдающегося голкипера в сборную. А тут еще матч с итальянцами, когда перепуганный тем же «комплексом Яшина» Маццолла не забывает пенальти — Лева намертво берет мяч. Возвращение подарило не только мне, но и всем, кто любит футбол, еще несколько прекрасных лет яшинской эпохи. А мне, повторю, жизнь преподнесла потрясающий шанс пострадать за Яшиным. ■

Фото А. БОЧИНКА и В. ГАНЧУКА

**КОНКУРСЫ,
КОНКУРСЫ,
КОНКУРСЫ...**

«Кругозор» объявляет конкурс футбольных прорывателей:

— **Какая команда станет чемпионом СССР-90?**
— **Кого назовут лучшим вратарем?**
— **Кто из футболистов забьет больше всех мячей?**

Ответы принимаются на почтовых открытках со штемпелем отправки не позднее 10 октября. Пишите по адресу: 131326, Москва, Пятницкая, 25, «Кругозор». На открытках необходимо пометка: «Футбол-90». Итоги конкурса будут опубликованы в «Кругозоре» № 1 за 1991 год. Победитель получит футбольный мяч с автографами звезд советского футбола. Заявлявшие 2-е и 3-е места — 12 номеров журнала за 1991 год. Мяч на центр!

**«Антиформалистический раек»
в Москве через 40 лет**

В последние годы мы все чаще становимся свидетелями художественных открытий и самого разного рода сюрпризов. Это и лежавшие десятилетиями в столых писателей и поэтов романы, рассказы и стихи, и хранившиеся на пыльных полках киностудий фильмы, и годами теснившиеся и гибнувшие в неудобных записках картины и скульптуры. Многие из открывшихся сегодня на творениях стали уже, к сожалению, достоянием так называемого русского зарубежья.

В музыкальном искусстве нашей страны также высветлены многие затемненные страницы: звучит неизвестная нам ранее музыка Н. Рославца и А. Лурье, А. Мосолова и Н. Чаргейшвили, собирают большие аудитории концерты духовой музыки Н. Сидельникова и Н. Каретникова, Е. Голубева и В. Хикты, В. Рябова и Г. Дмитриева. Всплывают неожиданные факты творческой биографии наших композиторов-классиков.

...11 января 1990 года неосвоенный, но, как всегда, уютный Колонный зал Дома союзов. 10 часов утра. Неторопливо стекает публика: композиторы, музыковеды, корреспонденты газет, журналов, радио и телевидения. Все ждет открытия VI съезда композиторов РСФСР.

Но неожиданно на сцене появляется не президиум и даже не ведущий заседание, а... Государственный камерный хор Министерства культуры СССР под управлением Валерия Полянского. Это необычный хор... Артисты расположились на сцене справа и слева двумя «крыльями». Их напряженные позы, устремленные к трибуне, взгляды выдают усердие, преданность, страх. Они слушают выступление «первого музыковеда страны» —

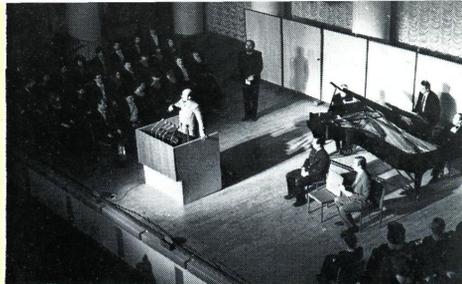
И. С. Единичина, в речи-пении которого вы, слушая пластинку, без труда узнаете голос и манеру речи И. Сталина. В его размеренной с бесконечными повторами «арии» звучат прописные истины, такие, например, как «народные композиторы пишут реалистическую музыку, а антинародные композиторы пишут формалистическую музыку».

Так начинается «Антиформалистический раек» Дмитрия Шостаковича, и так необычно начался очередной съезд композиторов России. Вот как откомментировал это Родион Константинович Щедрин: «Я думаю, что ни у кого из вас не было возражения, что открылись наш съезд не привычными словами «считаем VI съезд композиторов России открытым», а музыкой великого Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, имеющего самое прямое отношение и к деятельно-

сти нашей организации (Д. Д. Шостакович был основателем и много лет возглавлял Союз композиторов РСФСР — Ред.), да и вообще к жизни нашей.

«Раек» Шостаковича — это не только художническое, но и гражданственное явление. Писал его Шостакович в том зловещем 1948 году, а закончил в начале 60-х годов. Сегодня стало обычным попрекать всех и вся, что мы, дескать, страна трусов, страна молчаливых, страна людей, боявшихся при Сталине и рот раскрывать. Я думаю, это сочинение — своего рода опровержение подобного навета. Чтобы с такой смелостью спародировать Сталина и Жданова в 1948 году, нужно было иметь великое мужество и верность свободолобивоуму духу русской культуры!»

«Раек» — это музыкальная шутка, пародия (вспомним знаменитый «Раек» М. Мусоргского). Он предполагает отражение художником какой-либо темы в сатирических красках. Шостакович, будучи великим симфонистом XX века, непревзойденным мастером философско-психологических концепций, намеренно привносит в «Антиформалистический раек» примитивизм музыкального языка, отражающего убожество мыслей его «героев». Это было ему необходи-

5
На снимке: сцена из «Антиформалистического раека» Д. Шостаковича.

Фото
А. РАТНИКОВА

мо для создания образов тиранов, дилетантов в искусстве, нагло пытавшихся учить талантливых художников, как нужно писать музыку.

Именно жанр «райка» — протескового и иносказательного по своей сути — и привлек композитора в те мрачные, тяжелые для нашего искусства времена, когда самых талантливых творцов, в том числе и Шостаковича, бичевали и клеймили, лишали того воздуха свободной мысли, без которого искусство задыхается.

«Особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества, — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года. — Речь идет о композиторах, придерживающихся

НЕИЗВЕСТНЫЙ ШОСТАКОВИЧ

ся формалистического, антинародного направления. Это направление нашло свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шелалин, Г. Попов, Н. Мясковский и другие, в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу, его вкусам. Характерными признаками такой музыки являются отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и новаторства в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невротическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков».

В заключение остается добавить, что «Антиформалистический раек» Д. Шостаковича впервые был исполнен в США ансамблем под управлением Мстислава Ростроповича — в первой авторской редакции, без финала. А в нашей стране это произведение прозвучало в сентябре 1989 года уже с авторским финалом — «Одой бдительности», найденной в архиве композитора музыковедом М. Якубовым. Союз композиторов РСФСР открыл свой съезд исполнением этого произведения не только потому, что это неизвестная музыка Дмитрия Шостаковича, но и для того, чтобы, послушав ее, все участники съезда отошли от вбешенцы в поры нашей жизни казенщины, дилетантизма и некомпетентности, блестяще представленных композитором в своем произведении.

Ирина ДРОБИШЕВСКАЯ

На пятой звуковой странице вы встретитесь с героями «Антиформалистического райка»: И. С. Единицких (прототип — Сталин), А. А. Двойкин (прототип — Жданов), Д. Т. Тройкин (прототип — Шенюлов) и ведущий этого музыкального собрания, а также музыкальные деятели (хор), воспевающие великого коринфяка. Фрагмент записан по трансляции.

В конце прошлого года на одну из ступеней пьедестала победителей первого международного конкурса «Ступень к Парнасу» взшел Игорь Тальков.

До этого многим он представлялся этаким преуспевающим эстрадным певцом, человеком благополучной судьбы, артистом с приятной внешностью и хорошими манерами. И не более того. Телевизионный конкурс исполнителей поп- и рок-музыки открыл нам совершенно иного Талькова. Он предстал как композитор и поэт. Его авторский дебют произвел на аудиторию ошеломляющее впечатление.

— Как складывалась до этого судьба музыканта? Что мешало ему завязать о себе раньше?

— Еще 10 лет назад, мне было 23 года, я понял, что мое призвание — петь свои песни. Откуда мне было знать, что этот путь сулит одни испытания. 8 лет я безуспешно старался пробиться сквозь броню авторственных советов радио, телевидения, студий грамзаписи... «Вы не член Союза композиторов и не член Союза писателей. Занимайтесь-ка лучше своим делом» — таков был ответ. Играйте, мол, на своей бас-гитаре или клавишных, пойте, делайте аранжировки... Именно это я и делал, зарабатывая на жизнь. Играл в группах «Вечное движение», «Апрель», «Электроклуб». Но песни я все равно писал. Для себя, в стол.

— Когда же произошел перелом в вашей судьбе?

— В 1987-м. Я работал по договору в кооперативном музыкальном центре «Досуг» — это в Измайловском парке. Поистине я даже растерялся, когда мне сказали, что я могу работать в концертном целое отделение и, главное, петь то, что хочу. Я не верил своим ушам... Я был потрясен.

— В вашей песне «Сцена», где как раз поется об этом тернистом пути «сквозь дремучие джунгли закона», звучат резкие слова в адрес тех самых художественных цензоров, которые считали себя вправе запрещать то, что им было не по душе. Вообще в ваших песнях довольно часто встречаются резкие выражения. Слушатели не упрекают за это?

— Упреков я не слышал, но вопросы были. Что можно ответить? Эти песни появились в ту пору, когда все было нельзя. Представляете мое состояние? А когда ста-

АВТОРСКИЙ ДЕБЮТ НА ПАРНАСЕ

ло, наконец, можно, я почувствовал себя собакой, которая долго сидела на цепи... Теперь у моих песен иной настрой...

— Одно из ваших увлечений — отечественная история. Прямо скажем, не очень-то типичное для современного эстрадного певца. Откуда оно у вас?

— Любовь к истории мне привил отец. Судьба моих родителей сложилась трагично. Отец и мать в сталинские времена были репрессированы. Но в нашей семье мало об этом говорили. Зато много читали. Отец любил читать нам с братом исторические книги.

— Но ведь история — безбрежное море... Есть ли у вас свои любимые островки?

— Да, это эпоха правления Екатерины II и период с 1914-го по 1919-й. Интереснейшие времена в жизни Российского государства!

— Игорь, в заключение три «детских» вопроса. Что вы больше всего любите?

- Свою работу...
- А не люблю?
- Ложь...
- А чего больше всего боитесь?
- Потерять свою работу... ■

На восьмой звуковой странице И. Тальков исполняет свои песни «Россия» и «Кирпичики».

Фото А. ЛИДОВА

ЗВУКОВАЯ

Л. КИРИЛЛОВА

Начав, я никогда не вернулся, я всегда был в последний раз. Я никогда не вернулся, я всегда был в последний раз. Я никогда не вернулся, я всегда был в последний раз.

В 1961 году моя двоюродная сестра Людмила приехала из Ленинграда, где она снималась в фильме «713-й просит посадку».

Я пришла к ней на Беговую, где она жила вместе со своими родителями, бабушкой и дедушкой. Она провела меня в свою комнату, вернее, в закуток, выгороженный в двухкомнатной квартире, и познакомилась с молодым человеком, актером, с которым они вместе снимались, — с Володей Высоцким.

Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется» (это была одна из немногих не его песен, которую он любил, часто пел ее и позже, когда уже стал известным автором). Держался просто, одет был бедно — старенький свитер, простенький пиджачок. Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно мы давно уже знакомы. Он не был тогда ни знаменит, ни богат, напротив — испытывал трудности, неудачи. С работой было плохо, песни сочинять только-только начинал, блатные, жаргон-

быстро расцветала, радуя своих приверженцев и почитателей и раздражая необычностью своей чиновников от искусства, обывателей, воспитанных на бодрых маршах и песнях о Сталине. Мы (я имею в виду мое поколение) без ума были от песен Окуджавы, почти все их знали наизусть. Однажды удалось попасть на его концерт, слушали как зачарованные. Это было открытие. Песни его запоминали, переписывали в тетради, на листочки бумаги — магнитофоны были редкостью. Галича знали мало, а то, что знали, не всегда нравилось. Видимо, в силу молодости своей и свойственной ей ограниченности не могли оценить по-настоящему глубину его творчества, силу его гражданской позиции.

Для Люся все, что касалось Володи — и его песни, и его трудности в театре (несколько раз выгоняли из Пушкинского!), и его многочисленные поездки с концертными бригадами ради заработка, и его переживания, связанные с приглашениями сниматься в кино и следовавшими за этим отказами по труднообъяснимым причинам, — все это становилось главным содержанием жизни. В 1962 году у них родился Аркаша, еще через два года — Никита. Володю забота о детях в общем-то не обременяла, хотя он и радовался их появлению, и любил их, и думал о них, и всегда, повсюду возил с собой их

цалась ими. Она считала, что человеку творческому совершенно необходимо, чтобы его хвалили, особенно тогда, когда так трудно все дается, когда не снимают, не публикуют, пластинок не издают. Такая вера в Володин талант, в неминуемый успех, которую она внушала ему, сильно помогла ему в те трудные годы, помогла выстоять и стать тем самым Высоцким, которого узнал весь мир.

К 1964 году, к тому моменту, когда Ю. П. Любимов зачислил его в труппу своего театра, Высоцкий написал уже довольно много песен, и среди них — «Большой Каретный», «Тот, кто раньше с нею был», «Серебряные струны», а в 64-м году были уже «Братские могилы», «Штрафные батальоны», «Антисемиты», «Бал-маскарад», «Песня о звездах», «Песня физиков». Чуть позже появились «Подводная лодка», «В холода, в холода», потом — песни к фильму «Вертикаль».

Люся, занятая детьми, домашними заботами, успевала и слушать новые песни, и высказывать свое мнение о них, и советовать, и помогать, и — обязательно — сидеть на спектаклях Таганского театра в первом ряду. Юрий Петрович Любимов предлагал ей работать в театре. Он тогда относился к ней с большой теплотой — и как к верной жене и надежному другу Володи, и как к интересной актрисе. Ее часто приглашали сниматься

Виктор Шкловский:

Когда люди слушают песни Высоцкого, то вспоминают, что они — ЛЮДИ.

Юрий Андреев:

Настоящий поэт — это человек, который знает действительность так, как знает свое собственное творение — изнутри, в его глубинных внутренних связях и в закономерностях его собственного развития. Вот почему В. Высоцкий

В НАЧАЛЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

ные, пел их лихо — аж мурашки по коже, воплывая литературные и музыкальные орехи невероятным темпераментом. Говорил простым, отнюдь не литературным языком, чем сначала шокировал нас «профессорскую» семью (дядя наш был профессором-энтомологом, почитал культуру Востока, верил в благородство людей и терпеть не мог Маяковского).

С момента появления Володи вся наша жизнь пошла по-другому. Он сочинял песню за песней, мы ждали эти песни, буквально жили ими. Мы от души смеялись, слушая «Рыжью шалаву», «Нинку с Ордынки... «Штрафные батальоны», «Парус», «Спасите наши души» — глубоко потрясли своим драматическим пафосом. Володя менялся буквально у нас на глазах — рос духовно, культурно, творчески. Он сам как личность и его талант, которые поначалу, казалось, существовали как бы по отдельности друг от друга, все больше соединялись в единое...

Тогда, в начале 60-х годов, авторская песня, недавно зародившись,

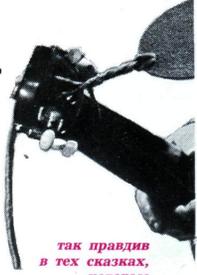
фотографии; но его жизнь, собственная, творческая, мало изменилась после рождения детей. Он был так же свободен, так же увлечен на съемки, на концерты, на гастроли. Люся с самого начала все заботы о детях взяла на себя, и Володя был благодарен ей за это. Вообще, я очень хорошо это помню, он всегда с гордостью говорил о своей жене, он ценил ее остроумие, ее образованность, знание русской поэзии, к которой по-настоящему глубоко приобщил его именно Люся. Они читали Гумилева, Ахматову, Цветаеву, Мандельштама... Они размышляли вместе о Булгакове и Льве Толстом, о Ферже и Дали...

Володя сочинял часто по ночам и каждую песню обязательно пропевал, проигрывал Люся. Он ценил ее мнение, ее советы, дорожил ее оценками. А Люся беззаветно, безотказно помогала ему, вкладывая в это свой ум, талант, знания, вкус. И хотя ранние Володины песни даки от соизверженства, Люся выделяла всегда неожиданные, удачные образы и обороты, восхи-

щения, но она упорно отказывалась, боясь оставить дома детей, боясь не оказаться рядом с Володей в нужный момент. Позже она снялась еще в нескольких фильмах: «Восточный коридор», «Не жить мне без тебя, Юся» и других, но в конце концов отказалась от актерской карьеры и сменила профессию.

Прожили они вместе семь лет. Это были очень трудные годы для них. Во-первых, потому, что жизнь с таким человеком, как Владимир Высоцкий, не могла быть спокойной, размеренной, благополучной. Не таков он был по своей натуре... Кроме того, жить им было в общем-то и негде, и не на что.

В те годы Володя очень часто бывал у нас на улице Вавилова, где жили мы с моей мамой. В этой квартире он любил петь, чувствовать себя совершенно свободным. Не донимали соседи, можно было спокойно отбивать ритм ногой по полу — благо первый этаж. Можно было ночью, возвращаясь из театра, запрыгнуть прямо в окно моей комнаты, где мы с Люсей ждали

так правдив в тех сказках, которые написал: он создал их из собственной души, столь широко вместившей и жизнь человека, и его поверья. Нестя числа свидетелям о его демократизме и народности его.

Фото Б. ПАЛАТНИКА

его. Иногда, когда он пел у нас ночью, соседи тихо собирались под дверью и слушали, но никто не врывался с угрозами. Это было интересно, веселое время. Конечно, мы слушали Володу — его песни, его замечательные устные рассказы, полные юмора, и Люсины устные рассказы, но менее остроумные, мы много разговаривали, играли в «шарады», например, или сочиняли коллективно всевозможные рассказы и стихи, в которых действовали все присутствующие, играли в «ассоциации», задумывая друг друга и общих друзей и знакомых и разгадывая, кто именно за-

думан, по ассоциативному ряду вопросов. Это, конечно, были забавы, но забавы с элементами фантазии, творчества, которые Волода очень нравился и в которых он всегда был заводилой.

В его жизни было много настоящих радостей и настоящего горя, и трудно сейчас сказать, чего было больше. Но тем не менее именно эти годы во многом определили его дальнейшую творческую судьбу, потому что это было время поиска, взаимного духовного обогащения, творческого роста; горизонты расширялись, формировалась гражданская позиция, угловато-блатной, дворовый репертуар отходил в прошлый век. Мысли и душу Владимира Высоцкого заполняли новые, ставшие теперь необходимыми ему темы.

Я никогда не забуду первый Володин творческий вечер. Он сам очень волновался. И не без основания. До последнего момента не было полной уверенности, что вечер состоится, что его не отменят, не запретят (подобный печальный опыт уже был). Никаких афиш, никакой рекламы, дабы не создавался излишний ажиотаж. Такая «тайная» подготовка вечера, конечно, не могла не беспокоить и не возмущать Володу. А вдруг придет мало людей, зал окажется пустым? Все тексты песен «литовались» заранее, производился жесткий отбор.

Наконец, наступило 31 мая 1967 года. Народ толпился у здания ВТО задолго до начала вечера. Опасения оказались напрасными — на этот раз не запретили! А то, что было потом, превзошло самые смелые ожидания. Не очень большой зал буквально разламывался от публики. Некоторым пришлось сидеть на стульях по двое, по трое. Те, кто вошел в зал позже, стояли в проходе, устраивались на подоконниках.

К тому моменту, когда судьба развела нас с Владимиром Высоцким, он был уже одним из ведущих актеров Театра на Таганке, сыграл немало ярких ролей в кино, написал многие из знаменитых своих песен и был любим самой широкой публикой. Он далеко ушел вперед от того начинающего актера в потертом пиджаке, с грубоватым жаргоном, каким мы впервые увидели его в 1961 году.

Конечно, у всех у нас и у самой Людмилы сложилась своя, совсем иная жизнь. Муж моей сестры Юрий Овчаренко, человек сложной, интересной судьбы, инженер по образованию, пробовавший себя в разных профессиях, в том числе и в журналистике, много поездивший и повидавший, помог Людмиле вырастить и воспитать двух сыновей ее и Володи. Аркаша стал профессиональным кинорежиссером, Никита — актером и режиссером театра. У Людмилы

с Юрием выросла дочь Серафима, все трое детей очень любят друг друга, дорожат друг другом... Но это так, небольшое лирическое отступление. Для нас самое важное то, в какое время Владимир Высоцкий жил среди нас и творил и что и какой ценой он сумел создать в это время... Ведь славу ему принесла именно эта его жизнь, когда немилым образом песни его, нигде не изданные, более того — запрещенные, знал весь народ...

В 1965 году, приехав летом в Москву со съемок «Стрелухи», Волода — рыжий, крашенный — на мой день рождения подарил мне гитару. Я на гитаре не играю. Он и сказал, что дарит ее для того, чтобы всегда, приходя к нам в дом, мог играть на ней и петь. С тех пор гитара висела на почетном месте, и никому не разрешалось прикасаться к ней, кроме Володы.

И вот семидесятом году, когда мы с Люсей вместе жили на Беговой, вдруг позвонил по телефону кто-то из наших знакомых и сказал, что в какой-то французской газете опубликовано сообщение об официальной женитьбе Высоцкого и Марины Влади. Конечно, это не было неожиданностью, и человек, позвонивший нам, даже не предпологал, какую это вызовет реакцию. — Не помня себя, я схватила со стены гитару и разбила ее в щепки. Жалобно застонали порванные «серебряные струны». Через минуту я, конечно, пожалела о том, что сделала. Но поступить иначе тогда я, наверное, не могла...

Он ушел от нас, ушел навсегда, ушел в огромный, неведомый, чужой мир. Теперь мы сможем только издали, из нашей общей юности, которая нам была так дорога, следить за ним, видеть его в фильмах, на экране телевизора, слушать, но тоже уже издали, а не так, как раньше, сидя на полу вокруг него и прося наперобой то одну, то другую песню...

Сейчас в бесчисленном потоке воспоминаний, публикации, фильмов и передач о нем становится все труднее разглядеть облик живого человека, отделить правду от неправды, истину от вымысла. Но я позволю себе процитировать одно из выражений, которое часто произносит Булат Шалвович Окуджава: «Время все расставит на свои места...» ■

Елена ЩЕРБИНОВСКАЯ

На шестой звуковой странице слушайте песни В. Высоцкого «Бег иноходца» и «Все не так, ребята».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Ван Гог выстрелил в себя 27 июля 1890 года и умер два дня спустя. В Европе в то время едва ли набралось бы 2–3 десятка людей, способных оценить его искусство. Человек, совершивший за десять лет переворот в живописи, работавший с колоссальной быстротой, безумец, отрезавший себе ухо, а затем рассчитавшийся с жизнью в 37 лет... вот силуэт Ван Гога для обывателя.

Голландцы звали его Винцентом, французы — Вансеном, но на любом языке это имя означало — победитель. Всей жизнью Винцент и опровергал, и подтверждал свое имя. Человек, не замеченный судьбой (при жизни появилась лишь одна критическая статья), был признан после смерти как величайший художник и как писатель — автор единственных в своем роде писем о живописи и не только о ней:

«Мне хотелось бы сказать картинами нечто утешительное, как музыка. Мне хотелось бы писать мужчине и женщине так, чтобы вкладывая в них что-то от вечности, символом которой был некогда нимб... Портрет с глубокой мыслью, портрет — душа модели — вот что обязательно должно появиться!...»

И вот он пишет этот портрет: «...преувеличивая блеклость волос. Дохожу до оранжевого, до хрома, до светло-лимонного цвета. Позади головы вместо обычной стены обычной комнаты пишу бесконечность. Делаю фон богатейшего синего цвета, самого сильного, какой только получится. Таким образом, светящийся голова на фоне богатейшего синего цвета создает мистическое впечатление, как звезда в глубокой лазури...»

Это было рождение нового эпического художественного языка в финале XIX века. Однако XIX столетие успело только похоронить Ван Гога и его идею о братстве живописцев, которая должна была прорасти из зерна маленькой арльской мастерской и из его творческой дружбы с Гогеном. Но с другом-врагом Гогеном пошли споры до хрипоты. О чем? «Я никак не мог объяснить себе... писал Гоген... противоречия между его живописью и взглядами... Он бесконечно восхищался Мейссеном и глубоко ненавидел Энгра. Дега приводил его в отчаяние, а Сезанн был просто шарлатаном. Думая

КАК ЗВЕЗДА

о Монтичелли, он плакал. Он приходил в ярость от того, что вынужден был признать у меня большой ум, в то время, как лоб мой был слишком маленьким — признак тупости. И при всем этом он проявлял величайшую нежность, вернее, даже какой-то евангельский альтруизм...»

Но почему гений не должен быть противоречив?

Как реплику к этим «наэлектризованным до предела» дискуссиям Ван Гог пишет два холста — «Стул Ван Гога» и «Кресло Гогена», точно оба спорщика только что вскочили на ноги друг против друга со сжатыми кулаками. 23 декабря 1888 года Винцент бросился с бритвой на Гоген

Ольга Зарубина. Артистическое имя, красивое, как по заказу, афишное. Афиш, между прочим, могло бы быть и больше! Так же, как и встреч с певицей на телевизионном экране.

И дело тут не в том даже, что наше «застенчивое» телевидение якобы само никого не приглашает, нет таких героев; туда, дескать, надо прорываться, работая локтями. А это не в характере Ольги Зарубиной.

Оля, может быть, самая ненавязчивая актриса. Могла бы, наступив на горло собственной песне, снять телефонную трубку, набрать номерок редакции. Могла бы, наверно, но это была бы уже не Ольга Зарубина. И чего тут больше — скромности или гордости, не знаю.

Появилась она на эстраде в свои неполные двадцатидеять лет с хорошей песней Тухманова «Так не должно быть!». Да еще в паре с молодым Михаилом Боярским. А чуть раньше

ше спела в кино песню «Возьми меня с собой!», которая пролетела по свету и вернулась домой с другого полушария в исполнении Любы Успенской. Все, казалось, предвещало расцвет нового таланта, и вдруг Ольга исчезла на годы, как в воду канула. Говорили, что затерялась в дремучих лесах Московщины.

Как за окном поезда, мелькают второстепенные «Метрономы», варьете, клубные и эстрадные сцены городов и городов. Тяжкий гастрольный неустроенный быт. Но все же это опыт — и жизнь, и сцена!

И вот она снова (встречайте!) возвращается из небытия! Запомнившиеся песни Вячеслава Добрынина «Разлучника-разлучка», а следом — трогательный, а в ее исполнении и пронзительный «Теплоход». Пользуясь случаем, хочу похвалить и Михаила Рябинина. Если бы вы знали, читатель, как это трудно, как это почти невозможно создать популярную песню, песню, которая сразу взяла бы в полон миллионы! Так на белом «Теплоходе», как на белом коне, возвратилась Ольга Зарубина на телеэкран, в концертные залы, к нам, заждавшимся ее болельщикам, — на стадионы.

Певица никому не подражает. Она — сама по себе, как сама же и героиня своих песен. Женщина, во всех ее бесконечных лицах и страстях — в печали и радости, одинокая и любящая, задумчивая и озорная. Женщина — это ее естественная и главная тема.

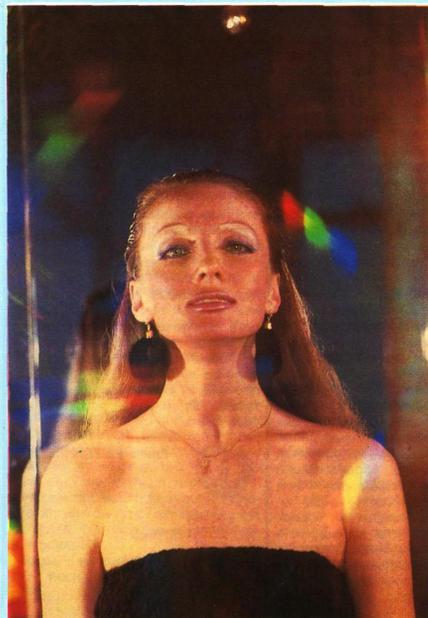
И у меня не было и тени сомнения — кто должен спеть песню «Разгуляй». Да мы ее с Русланом Горобцом и написали-то для Ольги Зарубиной. Не знаю, исполняют ли эту песню другие? Скорее всего, немногие. Не всем она по плечу — уж очень зарубинская.

И снова — гастролы, аплодисменты, надежды, букеты. Вот и гонорар за эту заметку прошу перечислить на цветы для Ольги Зарубиной на счет номера... Подскажите номер этого счета — их сейчас стало так много!

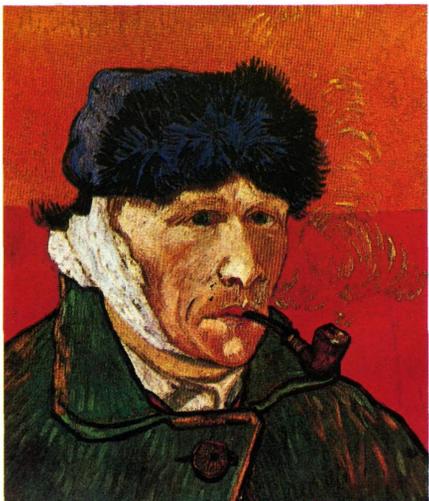
На седьмой звуковой странице — в исполнении Ольги Зарубиной песни «А была ль я любимой?» (И. Азаров, В. Яковлев) и «Переменные дожди» (Р. Горобец, М. Танич).

Фото А. ЛИДОВА

Михаил ТАНИЧ

на, а вернувшись домой, обратил лезвие против себя.

И вот газета «Форум републикен» сообщила жителю Арля: «В прошлое воскресенье, в половине двенадцатого ночи, некий Венсан Ван Гог, художник, родом из Голландии, явился в дом терпимости, спросил некую Рашель, вручил ей свое отрезанное ухо, заявив: «Берегите его, как зеницу ока» — и исчез. Узнав об этом поступке, совершить который мог только несчастный безумец, полиция отправилась наутро к этому человеку и нашла его в постели без признаков жизни. Несчастного срочно доставили в больницу».

Три впервые в печати было упомянуто имя Ван Гога. И первое упоминание это оказалось связанным с «сумасшествием» художника. Но был ли он в действительности лишен разума? Его картина — дар ли это безумца? А что если этот человек был согрет не душой, но бедami общества, в котором жил? Что тогда? Кем он был? Отверженным. Это слово, которое прокричал Гого, относилось и к Ван Гогу, хотя он и получал от брата Тео помощь — 100—150 франков в месяц. Деньги уходили на дом, на холсты, на краски, на то, чтобы согреть и приютить очередную подругу жизни — sempre его прожекты лопались как мыльные пузыри. Он знал, что такое голод. В конце концов у него вырвался однажды стон: «Мы должны принять одиночество и бедность».

Но разве у великого человека такое бывает без приступов слепой ярости, разве был отартизм бунт Ван Гога хотя бы и в форме «сумасшествия»? И вот столетия и стонущая молва о безумии Ван Гога по сей день заставляет психиатров рыться в пожелтевших больничных бумагах художника. Что же выяснилось? Выяснилось, что у Ван Гога была особая форма эпилепсии. Таков был диагноз французских врачей еще столетней давности. А вот свежая запись в истории болезни Ван Гога, сделанная Уилфредом Арнольдом, профессором Канзасского университета (США). Ван Гог не имел наследственных психических заболеваний. Расстройства психики художника были следствием злоупотребления абсентом — полынной водкой. От употребления

этого напитка (производство его во Франции было запрещено в 1922 году) даже в небольших дозах появлялись головокружение, галлюцинации, потеря памяти, эпилептообразные приступы, тяжелый бред, большое охватывало неистовое возбуждение.

Но для того чтобы оборвать собственную жизнь, нужен был сильнейший толчок. Одни считали, что виной всему была неудачная любовь, другие полагали, что Винцент чувствовал, как его талант угасает. Однако причина была иная. В июне 1890 года брат Тео сообщил ему, что возник конфликт с хозяевами фермы, что заболел его сын и что, повидимому, ему, Тео, придется подать в отставку. Соответственно, над денежной помощью брату-живописцу нависла угроза.

Винцент в отчаянии бросился в Париж. Но свидание с Тео не спасло его тревоги, и он уехал обратно домой, в Овер, где жил. И вот из Овера пошли последние его письма о сברавшихся над ним тучах, о «тонком волоске», на котором висит наше существование...

27 июля 1890 года Ван Гог ушел с мильбертом и револьвером в поле. Выстрела никто не слышал — вокруг никого не было. Он едва дотопался до дома и рухнул. Смерть помедлила — Тео успел примчаться. Последние слова Винцента были: «Тоска будет всегда». Эта тоска — в крике воронья, черными затылками рассыпанного над полем, на одной из последних его работ.

До начала посмертного взлета Винцента к восторгу человечества, к схватке между живописцами-радикалами за его имя, как за знамя, к золотому дождю, посыпавшемуся на аукционах, где продавались его холсты с полями, дилжансами, виноградниками и людьми, оставалось, как и до конца века, каких-нибудь 10 лет.

Алексей СВИСТУНОВ

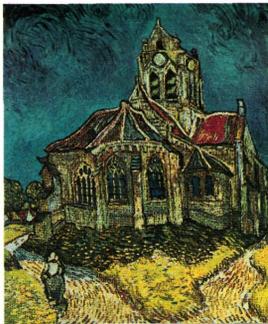
На четвертой звуковой странице вы останетесь у холста Ван Гога в Пушкинском музее, услышите диспут студентов-суриковцев, познакомитесь с фрагментом оперы Г. Фрида «Письма Ван Гога» и с песней Лени Зскиедеро «Ван Гог».

В ГЛУБОКОЙ ЛАЗУРИ

Репродукции картин Ван Гога: «Автопортрет с перевязанным ухом», «Вороны над хлебным полем», «Церковь в Овере», «Ночное кафе в Арле».

4

К 100-летию со дня смерти Ван Гога

Таня Жукова никогда не играла в «дочки-матери». Ни в пять, ни в семь, ни в девять лет... Потому что с юных годов судьба распорядилась так, что не в игре, а в самой что ни на есть настоящей, суровой и не щедрой на радости жизни уготовила ей роль маленькой мамы в большой и не очень счастливой семье.

Таня Жукова выросла в Доме ребенка, что находится в одном из заповедных мест Подмосковья — городе Видное. Нет-нет, она не была подкидышем, отказной малюткой, брошенной на произвол судьбы неупевающими родителями. Напротив, родившись в этом доме и прожив в нем вместе с мамой, медицинской сестрой, всю сознательную жизнь, она всегда чувствовала себя хозяйкой, надеждой и опорой несмышленных малышей.

И когда подружки-старшеклассницы бежали после уроков на дискотеку и в кино, она спешила к своим Витам и Верам, к Сережам и Маринам. Это она улыбалась и агукала с ними, сажала их на горшки и вытирала носы. Это с ее помощью они учились держать ложку, говорить первые слова и делать первые шаги.

И на всех у нее всегда хватало доброты, любви и терпения. Это их первыми стихами и песенками и даже первыми выплеленцами «куличиками» она гордилась с истинно материнским честолюбием. Немудрено, что каждая новая группа ползунков скоро начинала называть ее «мамой». Судьба на всю последующую жизнь предопределила Тане Жуковой призвание — быть Мамой...

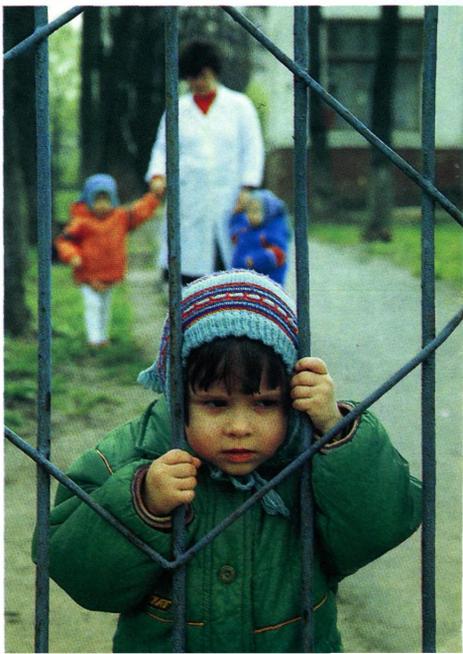
Психологи утверждают, что основные черты будущей личности закладываются в ребенке в возрасте до трех лет. Выходит, к нашему страшному счету обреченных детей Чернобыля, Семипалатинска, Кара-Калпаки надо прибавить еще более миллиона малышей. Именно столько детей-сирот при живых и здравствующих родителях в Домах ребенка и других приютах. Но и эта статистика, пожалуй, не самая горькая. Страшна другая — разделы уголовной хроники газет запестрели сообщениями об умерщвленных младенцах; детей находят в мусоросборниках, на свалках, в отхожих местах...

Что же с нами происходит? И как всего за несколько десятилетий должно было измениться, уродливо трансформироваться наше сознание, наша нравственность, если в стране, где веками исповедовался культ Матери-Богородицы и невинного младенца, детей находят на помойках, и ни у кого не горит земля под ногами, и никого не настигает кара небесная... Какой же вихрь-сухоей промчался над нами и так опустошил, иссушил наши души, что уже не одна слезинка ребенка, которая на чаше весов у Достоевского перетягивала все сокровища мира, а целое море детских слез не вызывают в нас

состояния шока? И как же оказалась смещена шкала нравственных ценностей, если ни в грош не ставится то, что самой природой заложено в женщине как суть ее высшего предназначения, — материнство.

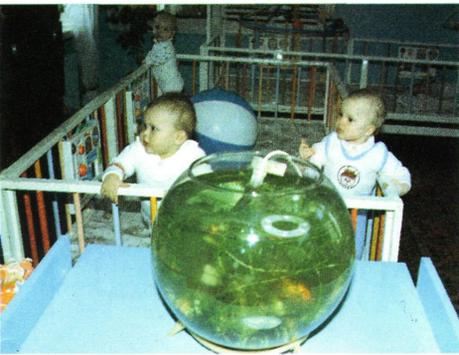
«Отказные» дети, сироты при живых родителях — такая же неизменная примета нашего цивилизованного, но духовно ущербного века, как загаженные реки, зараженные земли и погубленные леса. У нас в последнее время принято упадок нравственности связывать с падением уровня жизни. Конечно, нищета и бедность часто порождают убожество духа. И этот процесс может стать необратимым. И когда мы наконец достигнем вдруг экономического благоденствия, наполним полки магазинов товарами, забудем свои холодильники продуктами, а квартиры — коврами и хрусталем, станут ли возвышеннее наши души?

«Наши матери не бросали нас, хотя жилось трудней, — говорил на Съезде народных депутатов Ролан Быков. — Почему же сегодня мать может бросить ребенка? Да потому, что в обществе такой моральный климат. Потому что, если б мать бросила нас, от нее бы все отвернулись, ее родители на порог не пустили бы, она бы замуж никогда не вышла... А сейчас мать с от-

ВХОДЯЩЕМУ

На первой звуковой странице — размышления народного депутата Верховного Совета СССР, воспитателя Дома ребенка города Видное Татьяны Жуковой, которую вы видите на фото, о проблемах брошенных детей, а также документальные записи, сделанные в одном из родильных домов, и фрагмент песни О. Митляева «Волшебный дом».

цом посоветуют, а товарищи помогут, а умный молодой человек в жены возьмет, потому что девушка неглупая...

Да, такая, с позволения сказать, житейская «мораль» — увьи! — никого не заставляет содрогнуться, и поток приоткрытых детей не иссякает. И никакая самая щедрая благотворительность многочисленных фондов и ассоциаций в защиту детства не избавит каждого отдельно взятого «отказника» от чувства одиночества, не заменит ему тепла материнской руки и надежной опоры отцовского плеча.

Часто ли мы задаемся вопросом — по собственной ли воле мать оставляет свою «кровиночку», свое «дитяtko ненаглядное» в казенном доме? А может быть, иногда по воле обстоятельств? И тем, кто требует сурово наказывать матерей-кукушек, ужесточить к ним меры, вплоть до лишения свободы, этим поборникам, а особенно поборницам крайних мер я хотела бы посоветовать хотя бы один месяц (только один!) попробовать прожить на 35 рублей пособия вместе с новорожденным, выслушать все претензии и упреки от соседок по студенческому общежитию или получить десяток отказов при попытке устроиться на работу.

Эх, да если бы только это! При нашем катастрофическом дефиците милосердия — самый что ни на есть критический... Не каждой юной женщине даны силы взойти на эту Голгофу матери-одиночки, не всем под силу нести этот крест. Ведь прежде чем бросить в нее камень, общество должно было бы дать ей шанс выбрать между материнством и отказом от него. А когда сетуют на отсутствие средств, то не хочется верить, потому что средства есть, а вот распорядиться ими по-хозяйски пока не научились. Стоит ли строить новые Дома ребенка, стоит ли тратить на каждого из миллиона брошенных детей по три с половиной тысячи в год, если можно было бы попробовать хотя бы часть этих средств отдать той юной женщине, которая сама хотела бы растить свое дитя. Не отталкивать, не осуждать, а протянуть руку — не в этом ли высший смысл милосердия?

Но что самое страшное в сегодняшней ситуации: большинство матерей-одиночек, как показывает статистика, — это бывшие воспитанницы детских домов. Кажется, что их печальная круговерть жизни уже однажды брошенных не закончена, она пошла по второму кругу. Похоже, что и третий круг неминуем: такую же участь они получают и своим детям. Ведь, как правило, рожают девочки, выброшенные (другого слова и не подбе-

реш) из детского дома в самом опасном для начала самостоятельной жизни возрасте — в 15–16 лет. И чаще раннее их материнство не от безнравственности, не от распушенности или тяги к «красивой» жизни, а скорее от первоначальной беды — от катастрофического одиночества, бесприютности, от чувства неприкаянности, особенно знакомого им, привыкшим в детском доме к постоянной опеке и присмотру, к «колхозу». Возраст этот и одиночество особенно опасны, не случайно поэтому Александр Александрович Католиков, директор Сыктывкарского детского дома, человек большой и доброй души, добился разрешения оставлять у себя при необходимости воспитанников до восемнадцатилетия, а то и позже, пока человек не встанет на ноги, не почувствует себя уверенным в этом мире житейских проблем.

Мне могут возразить, что детей не аисты приносят, и, прежде чем защищать юных отказниц, лучше бы им проповедать уроки морали. С этим трудно не согласиться, но я хочу пойти дальше и, не боясь вызвать гнев читателей с пуританскими взглядами, все-таки добавлю, что наряду с уроками нравственности я бы предложила и уроки полового воспитания, и какие-то основы сексуального образования, и наконец, хотя бы самые примитивные сведения о контрацептивных средствах. Предвижу одергивающие окрики, но мы так долго по любому поводу возмущались, так долго по-страусиному прятали головы от всех проблем, провозглашая, что «в СССР секса нет!», и так преуспели в своем невежестве и ханжеской воинственности, что результаты не заставили себя ждать. Вот мы и получили миллион сирот и столько же изломанных юных судеб. И если в одной из самых процветающих стран нашей планеты — Швеции — старшеклассникам, вступившим в пору полового созревания, государственная служба бесплатно высылает презервативы, дабы уберечь юное поколение от СПИДа, нежелательной ранней беременности и т. д., то мы по-прежнему упрямеем, что «в СССР секса нет» и не будет!

Но пока существует род человеческий — будет и любовь, будут и дети. И когда рождается маленькое существо, мы должны помнить и знать, что каждый раз в жизнь вступает душа неповторимая, уникальная, и от нас, людей, зависит, как примет нового человека этот мир — будет ли он казенно прихорошен или обласкан матерью. ■

Любовь ТЕРЕХОВА

Фотоотчет
Алексея ЛИДОВА.

Ровно в полночь, 31 декабря 1913 года, когда под бой часов, вой сирен, взрывы петард и другие шумовые эффекты город Нью-Орлеан встречал новый, 1914 год, тринадцатилетний паренек, выбежав из своего дома на улицу, пальнул несколько раз в воздух из пистолета, присоединив таким образом свой «голос» к общему ликующему хору. Пистолет, однако, оказался выкраденным из сумочки, принадлежавшей маме, за что мальчик был взят под стражу и препровожден в нью-орлеанский Приют для малолетних правонарушителей. Там его определили в местный оркестрик — он

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА
ДЖАЗА

получил в руки старый разбитый корнет и стал учиться играть на нем под руководством некоего Питера Дэвиса, фамилию которого история потому лишь сохранила для нас, что он оказался первым и, строго говоря, последним учителем юного музыканта.

Мальчика звали Дэниел Луис Армстронг...

Он родился 4 июля 1900 года, в День независимости США. Он явился из шестнадцатилетней матери, в одном из самых бедных и, как теперь принято говорить, криминальных районов Нью-Орлеана. С пяти лет рос без отца и, по всем данным, был обречен своим происхождением закончить жизнь так, как завершали ее большинство из тех, кто оказывался в схожих обстоятельствах — тюрьме или под забором. Но, как гласит ироничная мудрость, судьба играет человеком, а человек играет на трубе. В случае с Армстронгом труба-то и оказалась его счастливой судьбой.

Еще семилетним мальчишкой он с тремя приятелями, разносчиками газет, сколотил квартет, который давал хорошие концерты на углу

и начал играть на них вовсе не по-европейски, и родилась новая музыка. «Не европейским» было само отношение к инструменту, который они, рабы, рассматривали как продолжение своего голоса. Каждый играл так, как пел, и вот этот подход к инструменту, эта манера исполнения стали характерными для всех джазовых музыкантов без исключения. Армстронг не только не исключение из этого правила, а его ярчайшее подтверждение.

Его труба — продолжение его голосовых связей. Вслушайтесь в любую его запись: надо быть глухим, чтобы не услышать, что певец и трубац — одно лицо, что все совпадает — фразировка, акценты, буквально все.

За свою долгую жизнь в джазе Луи Армстронг записал несчетное количество дисков и играл вместе с огромным числом музыкантов. Далеко не все записи Армстронга хороши, далеко не все музыкальные партнеры были его достойны, часто он исполнял вещи вполне бездарные, однодневки. Все это так. Но все это и не так, потому что всюду и везде Луи Армстронг

...А ЧЕЛОВЕК ИГРАЕТ

улиц Либерти и Периддо, что в Третьем квартале Нью-Орлеана. Так он начал зарабатывать на жизнь. Нет, не в Милане учился он пению, но от этого гоголь, чем-то напоминавший звук перекатывающейся гальки или шум сыплющегося гравия, этот голос не менее знаменит, чем самого прославленного тенора «Ла Скалы».

Труба же оказалась приложением к его голосу. Ученые-музыковеды любят спорить о том, когда именно появился джаз. Вероятно, это так же трудно определить, как «день рождения» симфонической музыки. Но можно абсолютно определенно сказать, что возникновение джаза связано с тем моментом, когда плантаторы-рабовладельцы решили использовать своих рабов — выходцев из Африки в качестве музыкантов для духовых оркестров. Вот тогда, когда эти люди получили в руки европейские духовые инструменты

оставался самим собой, нигде и никогда не изменял себе.

Армстронгу было 25 лет, когда он в качестве «лидера» собственного состава записал первую пластинку. Это было 12 ноября 1925 года, но до этого он успел набраться опыта в легендарном составе Киды Ори, а потом в составе своего кумира и единственного ментора Джо «Короля» Оливера. Уже в афишах 1926 года Армстронга рекламируют как «величайшего трубачу мира», а к началу тридцатых годов он и в самом деле приобретает всемирную известность.

Вероятно, Армстронг — первый чернокожий американец, открывший миру сокровища творчества своего народа. В этом смысле он опередил Поля Робсона, Эллу Фидджералд, Марион Андерсон, Дока Эллинттона и всех других, ныне широко известных гениев афро-американской культуры.

В 1932 году Армстронг совершил свои первые европейские гастроли. Триумф был полный и безоговорочный. Там, в Европе, точнее в Лондоне, он получил свое прозвище Сэчмо — так услышал Метисон Брукс, редактор журнала «Музыкальный мейкер», прежние прозвище Армстронга — Сэчелмаут, что буквально означает «рот-ранец», то есть рот, способный раскрываться до необычных размеров и (в случае с Армстронгом) выдувать воздух с необыкновен-

ной силой. Прозвище Сачелмаут имело, таким образом, смысл, Сачмо же — никакого. Однако именно оно-то и прилепилось к Армстронгу. Позже он получил второе прозвище — Попс (Папаша), но первым и главным осталось Сачмо.

Бессмысленно перечислять все оркестры и составы, с которыми он играл, лучшие его диски, полученные им премии. Гораздо важнее — да и труднее — попытаться объяснить поразительную популярность и авторитет Армстронга. Ведь стиль его был весьма простым, играл он на трубе без какой-либо изощренности, без особых внешних эффектов, да и пел точно так же. Более того, Луи Армстронг не менялся — сравнение записей, скажем, 1925 и 1965 годов не оставит в этом никаких сомнений. Так в чем же секрет Армстронга?

Можно — да, наверное, и нужно — говорить о необыкновенной красоте и тепле его музыки, о поразительном чувстве ритма, о неслыханном обаянии певца-трубача. Но все-таки не это, на мой взгляд, главное.

Не так давно мне впервые в жизни довелось посетить Флоренцию.

НА ТРУБЕ

Приехал я под вечер. Бросив вещи в пансионате, где я остановился, вышел на улицу и двинулся в сторону Соборной площади. Вышел я на нее как-то сразу и неожиданно, свернул за угол дома, — и вот она оказалась все передо мною. Я застыл, словно пораженный молнией. Нет, не собор пригвоздил меня к месту, а стоявшая рядом с ним колокольня Джотто. Что я говорю, не стояла она, а плыла, зависла над площадью, высоченная, громадная, но и хрупкая, почти прозрачная, почти призрачная. Ничего более прекрасного я в жизни не видел и, точно знаю, не увижу. Помню поразившую меня мысль: «Как это просто!»

Высшая простота и есть высшая красота, простота, которая и есть полное выражение души.

В этом секрет Армстронга. Были Король — Оливер, Граф — Бейси, Герцог — Эллинтон, все они по-своему велики, каждый — это эпоха в джазе. Но будут другие короли, графы и герцоги. Сачмо же был и останется единственным, второму не бывать никогда. Таково свойство гения. ■

Владимир ПОЗНЕР

На девятой звуковой странице — Армстронг в песне «Привет, братец», в песне «Душа и тело» и в дуэте с Ф. Фицджералд «Звезды падают на Алабаму».

Геннадий Хазанов окончил Государственное училище циркового и эстрадного искусства в 1969 году. Я руководила курсом, на который он попал, была педагогом по эстрачному мастерству и специализатором артистов речевого жанра. Когда меня приглашали на работу в училище, я оговорила себе право не присутствовать на приемных испытаниях, а приступить к занятиям со студентами, отобранными приемной комиссией. И на этот раз я шла на первое занятие, и не знала никого. По дороге в класс педагога, как обычно, делились впечатлениями о новичках. Так я узнала, что в числе учеников есть Хазанов, который в предыдущем году не выдержал вступительных экзаменов.

— Почему?
— Да он, по сути, готовый эстражник, да только с дурными навыками.
— Сколько ему лет?
— Девятнадцать.

На просмотре Хазанов исполнил фельетон, общими усилиями написанный участниками кружка самодельности. Ошарашил. Но исключитель или не верил в то, что он достаточно комичен, или не доверял сообразности сидящих в зале, и для верности «нажимал», как у нас говорят, поддекировал на смешных местах, подтверждая наличие положительных артистических приемов. Но когда он что-то читал, изнутри его была мощно живая, которая как бы старалась прорвать оболочку скованности.

Хазанов оказался «трудным ребенком». Он упирался, злился. Но в то же время, хитрым способом улизнув от поставленного педагогом требования, он в азарности, увидев, что его натуру не насилуют, осматривая, подумав и окольным путем вернется к тому, о чем шла речь, и подберет то, что отбросил, и в карман, как бы за щекку — пригодится...

Четыре года учебы и далее, далее у упорном труде приходит освобождение от банальных, навязчивых общему артистических приемов. Шелуха постепенно спадает.

В 1978 году после премьеры «Мелочей жизни» я ему сказала: «Кажется, вы начинаете становиться артистом».

Прошло еще восемь лет. И он и мы стали гибок, легко, свободен, раскован, все разнообразие красок подчинено основной авторской мысли, созданные типы скульптурно выразительны, паузы вызывают в памяти былой МХАТ. Никакого старания понравиться — покой зрелого художника и озорство мальчишки. Редкое сочетание.

При всем желании придираться, как бывало в годы учебы, не к чему. Он стал ярким, самостоятельным артистом. Крупное имя на эстраде. Это не значит, что не осталось места для замечаний, для критики, она для каждого мастера — зная аванс, перспективны. Но педагог с чистой совестью и удовольствием выставляет Геннадия Хазанову высший балл. Итак, ставлю пять и... многозначие: артист все еще в движении, в пути, он растет, набирается живительных сил. В добрый час! ■

Н. СЛОНОВА,
народная артистка РСФСР

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

СТАВЛЮ ЕМУ ПЯТЬ И...
Говорить о Хазанове мне легко — я его очень люблю. Бывают в жизни трудные ситуации, они бьют и на земле, и в космосе, и кажется, что уже ничто не поможет... Только юмор... И тогда на память приходит тонкий, умный, интеллектуальный артист Хазанов. Для меня Хазанов не только исполнитель — он и соавтор моего умения передать мысль автора — явление неповторимое. Г. Н. Гречко

двукратный Герой Советского Союза, летчик-космонавт
■ С Хазановым у меня отношения самые наилучшие: у нас не только союзные фамилии — у нас союзные души. Я восхищаюсь Хазановым, я его обожаю! И мне दुшевно, что так же, как мне кажется, что все что он делает, он делает только для меня, и начинается восторгство: у меня зритель — завязывается с артистом Хазановым свои быте отношения — вместе с ним я радуюсь и страдаю, умно раю от смеха и кричу от огчания. Эльдар Разанов, кинорежиссер

народный артист СССР, писатель
■ Убедил меня пародист и музыкальный артист Геннадий Хазанов в том, что он прекарасный Хазанов. Если он станет эстрады... Геннадий Викторич Хазанов. Это трудно и доброе, в понимании слов и пауз, в отборе материала для исполнения, и в расказе. Лучшее него хороший юмористический расказ никто не читает. И мне жаль, что я не расказчик. Михаил Жванецкий, писатель

■ Вместе с Хазановым мы воспитывали того пресловутого «учащегося кулинарного техникума». Поражало его работоспособность и умение учиться всему, что интересно. Как правило, лучше чем то, что я пишу один. Надеюсь, что мы будем еще долго сотрудничать. Леоид Имайлов, писатель

■ Чувство юмора всегда было средни отгаве и одарен! Хорошо, что Хазанов столь храб и одарен! Виталий Короткин, главный редактор журнала «Огонек»

На десятой звуковой странице — Г. Хазанов исполняет коллективное произведение молодых сатириков А. Тарасула, З. Каменецкого, Ю. Латухина и Я. Кушира «Депутат Прибалтики».

НАМ ПИШУ

«— то письмо пишу вам для того, чтобы люди знали правду о том тяжелом времени, свидетелем и участником которого мне пришлось быть. Это было время последних лет сталинской тирании. В 1949 году меня призвали в ряды Советской Армии. Попал я служить в шестую колонию в 150 километрах от Салехарда. Служба моя была связана с тем, чтобы обеспечивать заключенных работой. Там прокладывали и строили железную дорогу, взрывали вечную мерзлоту. Инструмент был такой: тачка, кирка, лом. Среди заключенных были и мужчины, и женщины. Условия работы были очень трудные, поэтому заключенные болели и часто умирали. Среди женщин многие болели сифилисом. На десятки тысяч заключенных в лагере был один фельдшер.

В лагере сидели различные категории лиц — были и воры в законе, и шестерки, и политические, и работники. Конечно, больше всего доставалось политическим и работягам. Их били, издевались над ними. Многие не выдерживали такой, с позволения сказать, «жизни» и совершали побег. Большинство из беглецов, измученные, возвращались назад или умирали по дороге в тундре. Тех, кого ловили охранники, убивали на месте. Сроки ведь в то время у заключенных были до 25 лет, поэтому запугать их было невозможно, и они, если могли, бежали снова и снова.

Летом 1951 года мне пришлось принять участие в ликвидации одного побегца. Перед уходом нас инструктировали командиры дивизиона и его заместитель по политчасти. В случае задержания заключенного... живыми в лагерь мы его не должны были доставлять. В нас ночи мы задержали беглеца. Это был молодой парень 21 года, москвич, высокий, красивый. И срок-то у него был небольшой — всего 6 лет. По всему было

видно, что он очень испугался и попросил сохранить ему жизнь. И хотя я помнил инструкцию командира, но убить его не смог. Я его доставил в лагерь, здесь ему, конечно, досталось, избил его зверски. Но все-таки он остался жив, и я был этому очень рад.

Вот такие мои воспоминания о трагическом периоде нашей истории, нашей жизни. Очень бы хотелось об этом забыть, но память все время возвращается в прошлое».

С. Ф. ГОЛУБЕВ
пос. Палех, Ивановская обл.

■ «Я считаю, что в «Кругозоре» очень мало уделяется внимания молодым исполнителям из союзных республик, а между тем, в своих регионах они пользуются большой популярностью. Нужно рассказать о Наташе Корольевой из Киева, о группе «Теодор» из Кишинева и многих, многих других. Надеюсь, что эти проблемы вы восполните постепенно».

Яков РАЙХЕЛЬ
г. Ермак, Казахская ССР

■ «Я за плюрализм мнений, за разнообразие вкусов, люблю музыку классическую, народную и, конечно, эстраду, рок. Но тем не менее хочу высказать свое мнение в связи с повальным увлечением группой «Ласковый май». Тут я убежден, что «Ласковый май» могут слушать, вернее, «балдеть» от него, только очень юные. Иначе их, к сожалению, никак назвать не могу. Ведь это не музыка, а сплошное повторение и бессмыслица».

Е. МОЛЧАНОВ

г. Новокузнецк,
Кемеровская область

Кругозор

7 (316) июль 1990 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1990 г.

На первой странице
обложки —
фото А. Бочинина

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.05.90.

Подп. к печ. 23.05.90.

Бумага 84 × 108¹/₂.

Бумага офсетная.

Офсетная печать.

Усл. п. л. 1,68.

Усл. кр.-тт. 6,30.

Уч.-изд. л. 3,50.

Тираж 210 000 экз.

Заказ 2311.

Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:
Б. Б. БАРЫШНИКОВ,
Е. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
А. Я. ЭШПАЙ.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

Почти десять лет колесит по миру с концертами группа «Имэджинишн» («Воображение»).

Ряче всех запомнилось музыкантам выступление в Монако, когда принцесса Каролина, превратившаяся, как в сказке, в обыкновенную зрительницу, после песни, которая ей особенно приглянулась по вкусу, сняла с себя бриллиантовую серьгу и бросила ее Ли Джону — солисту ансамбля. Он подхватил подарок и в знак уважения к даме прицепил на лацкан пиджака. На следующее утро в гостиничный номер вежливо постучались. Представители службы безопасности поинтересовались, не соблаговолит ли Джон, если, конечно, это его не затруднит, вернуть королевский подарочек, так как он — государственное достояние и должен быть возвращен в казну.

Но образ этих бременских музыкантов, бродящих по свету и пожинающих плоды своей славы, — лишь имидж, за которым стоят годы поисков и упорной работы. «Девяносто девять процентов успеха приносят твой собственный труд, упорство, а остальное — фортуна, — этот принцип хорошо усвоила группа «Имэджинишн». Можно с уверенностью утверждать, что она внесла свой вклад, и немалый, в поп-музыку восьмидесятых. И может быть, кому-то она покажется упрощенной, танцевальной, но ведь у каждого музы-

Конкурс «Вокруг звука» продолжается...

Рисунки Е. ВАСИЛЬЕВА и В. ДМИТРИЕВА

ГОСТИ
МОСКВЫ

СВЕТЛЫЙ МИР «ВООБРАЖЕНИЯ»

кального течения находится свои поклонники и противники. Если вам плохо и на душе скребут кошки — поставьте кассету или пластинку «Имэджинишн», и сразу станет легче, жизнь покажется вам не такой уж паршивой шумкой...

Где истоки группы «Воображение»? Пути Ли Джона, Эшли Ингрема и Эррола Кеннеди пересеклись несколько раз во время студийных записей и концертов, но никто из них не подозревал, что пройдет несколько лет и они будут вместе. Все началось с демонстрационной ленты Ли Джона «Записи Красного автобуса», которую по достоинству оценили продюсеры. При помощи Эшли Ингрема и Эррола Кеннеди она превратилась в великопленный хит «Язык тела». Так появилась на свет группа «Имэджинишн», название которой дала песня Джона Леннона «Вообра-»

В одном из интервью Ли Джон рассказывал: «Вглядываясь в дни своего детства, я считаю, что, в общем, мне повезло. Родился в Лондоне, но когда мои родители расстались, я отправился жить с отцом в Нью-Йорк. Я ужасно страдал, расставшись с матерью, но что я мог сделать в свои десять лет... Когда мне исполнилось пятнадцать, отец предоставил мне самому решать, где жить, и я пулей понесся в Лондон, к маме. Нью-Йоркские годы не прошли для

меня даром: посещая драматическую и танцевальную школу, я приобрел кое-какие навыки, и они пробудили во мне интерес к шоу-бизнесу».

«Детство мое прошло в Норт-Хэмптоне,— рассказывает Эшли Ингрэм,— но родители мои сохранили многое из ямайской культуры. Можно сказать, я с пеленок любил музыку и с утешением вслушивался в могучее звучание голосов в Бэдфордской церкви. В пять лет впервые увидел ударника и был покороен его мастерством. Наш дом наполнился барабанным грохотом; уверен, мой старик не сомневался, что мне лучше было бы учиться играть на фортепиано. Я так и сделал. Не то чтобы перестал барабанить, но теперь хожу иногда, во время фортепианных пассажей, родители получили некоторую передышку. А потом увлекся гитарой».

«За всю свою жизнь я не помню дня, когда бы не мечтал стать барабанщиком,— вспоминает Эррол Кеннеди.— Мне было всего семь лет, когда я присоединился к местной ребячьей команде в Монтего Бей, на Ямайке, и меня до сих пор бросает в блаженную дрожь, когда я вспоминаю проводившиеся тогда уличные парады. Я забивал на смерть мой барабан и был счастлив. Настоящим горем для меня стал наш переезд в Лондон. Там я просидил немало времени, работая с группами Южного Лондона, пока не нашел себя в «Воображении».

К сожалению, три года назад Эррол Кеннеди покинул группу. Его сменил певец Питер Ройер, самый молодой в коллективе, самый красивый и, естественно, борисовский девичьих сердец. Москвички тоже не остались равнодушными.

— Ваша группа называется «Воображение», но вам не чужды и реальные земные дела. Я знаю, вы не раз давали благотворительные концерты. Во имя чего?

«Девяностые годы,— утверждает Ли Джон,— принесли экономические и политические проблемы и потрясения. Настало такое время, когда недостаточно размахивать флагом и призывать к чему-то... Надо что-то конкретно делать самому. Каждый день, открывая газеты, сидя у телевизора, слушая радио, как бы физически ощущаешь, что мир обезумел. Нужно что-то предпринимать: помогать голодным, больным, защищать обездоленных. И мы регулярно даем концерты в пользу тех, кто нуждается в нашей помощи».

Мы о многом переговорили в тот первый для музыкантов вечер в Москве. Артисты очень хотели, чтобы их музыка поселилась в сердцах всех, кто придет на их концерты, и чтобы на душе у людей стало радостнее. ■

Борис ОБНОВЛЕНСКИЙ

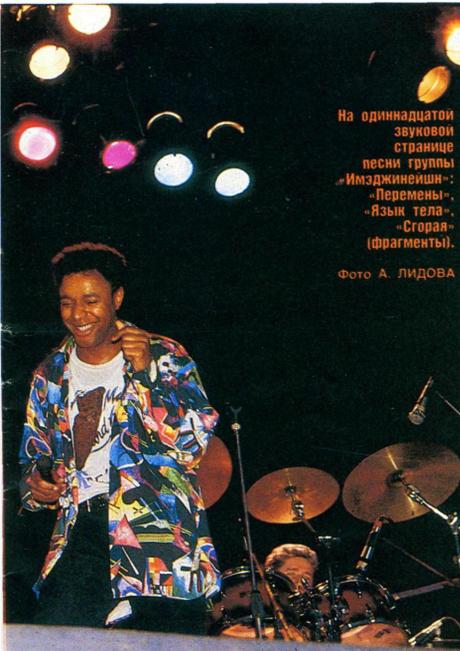
ВИКТОР ЦОЙ И ЕГО КИНО

Среди бесконечных разговоров о сладе, после двухлестного бума, массового интереса к року, который подтверждает и свободно продающиеся пластинки и билеты на концерты рок-звезд, одной из немногих отечественных групп, еще сохраняющих интерес даже черного рынка, осталось «Кино» Виктора Цоя. И хотя «Мелодия» выпустила, по всеобщему убеждению, самый слабый альбом этой группы — «Ночь», записанный уже в 1984—1985 годах и рестиражированный фирмой грамзаписи только спустя три года, этот диск запросто не купишь.

Молодежь, бесспорно, любит Цоя. Многим известна его биография. Начиная с того, как двадцатилетний резчик по дереву в 1982 году с помощью «Аквариума» записал свою первую акустическую программу «45» и дал премьерный концерт в Ленинградском рок-клубе. Потом собрал Виктор Цой собственный состав, где на басах ему помогал А. Титов из «Аквариума», затем И. Тихомиров из «Джунглей», на барабанах — Ю. Густав, а после него — Г. Гурьянов; лидер-гитаристом закрепился Ю. Каспарян, вторая гитара — И. Борисов.

Название программы 1984 года — «Начальник Камчатки» — запечатлело подкупивший многих неожиданный, так сказать, хиппый уход Цоя от налаженного быта интеллигентных родителей в истопники котельной, прозванной «Камчатка». Тогда же, на втором фестивале, «Кино» попало в первую тройку групп ленинградского рок-андеграунда. В следующем году, кроме «Ночи», появилась программа «Это не любовь». А в 1988 году он изловчился записать в десятиметровой жилой комнатке на четырехканальный магнитофон знаменитый теперь альбом «Группа крови».

Широкую популярность Цою принес кинематограф. Провидчески назвал Виктор свою группу! Полнометражный документальный фильм «Рок» режиссера Алексея Учителя подбросил кое-какие подробности о судьбе музыканта. Но среди его поклонников прочно жила «легенда об артисте, прошившем загадочно-неразговорчи-

На одиннадцатой звуковой странице песни группы «Имэджинишн»: «Перемены», «Язык тела», «Сгорая» (фрагменты).

Фото А. ЛИДОВА

ВИКТОР ЦОЙ И ЕГО КИНО

вым человеком. Однообразие его мелодий и ограниченный набор «дворцов-подростковых» сюжетов слушатели уже заметили. Но этой демократичностью Цой как раз и привлекает, хотя невозможно не поговорить на страсть нашей юной публики к упрощенным мелодиям и стереотипным сюжетам. А эффект песен артиста возникает из-за его своеобразной внешности, интонации и тембра голоса. Это уже немало.

Цой иногда проговаривается о необходимости замысленности своих истинных претензий. Мол, «перенем мы переменк перемем» — это о школьных переменках между уроками, а совсем не о глобальной перестройке нашей жизни. Но тут сильнее ока-

зался режиссерский талант Сергея Соловьева, превратившего Цоя в вестника сути рок-движения, который из самого «подполья» выкрикнул центральный лозунг сегодняшнего дня. Он любит намекать. Пожелал Цой «всем, кто ложится спать — спокойная ночь!» — и натренированный на эзоповом языке современный уже догадался о нехитрой подкладке этого официального текста. Хотя артисту редко дано самому оценить масштаб своей исповеди.

Виктор Цой не выдвигал свою кандидатуру на выборы и не предлагал действенной программы. За год снова стараются кинорежиссеры. Размявшись на документальной короткометражке «Иа-хал», в которой участвовала группа «Кино», режиссер Рашид Нугманов снял фильм «Игла», где Цой уже

сыграл главную роль. Снова успех. Зрители идут на фильм ради модного артиста, а певцу приписывают черты его кинорежера. Настоящий мужчина, способный чувствовать и нести ответственность за бедную полузабытую стародавнюю подругу, но — женщина, дои кажется даже нагрянувшая в финале картины смерть. Уверена, фильм «Игла» добавит красок к имиджу Цоя. И, по моему, неплохо, что они такие... традиционные. Говорят, возвращаемся к норме. Так почему не иметь попевая вместо старинных маршей — вразумительными словами: «Группа крови на руке, мой порядковый номер на руке!»? Вероятно, просто у Цоя группа крови первая. Свой последний, 1989 года, альбом артист назвал «Звезда по имени Солнце».

Нина ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения
фото Е. МАТВЕЕВА

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

На двенадцатой звуковой странице в исполнении группы «Кино» песни «Звезда по имени Солнце» и «Группа крови».

